

*Галина
Гончарова*

7

ПО ПРАВУ КОРОЛЯ

Средневековая история

16+

Галина Дмитриевна Гончарова
По праву короля
Серия «Средневековая
история», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713717

SelfPub; 2022

Аннотация

В Уэльстере вспыхивает мятеж – и свою цену, цену крови и жизни платит его величество Гардвейг. Мчится, не успевая из ссылки его друг и брат, Альтрес Лорт, но спасать – поздно. Остается только мстить. Хаос мятежа разлучает графа и графиню Иртон. Лилиан бежит вместе с королевой Милией, пытаясь спасти и ее, и принцев. Тем временем граф выбирается из охваченного мятежом Кардина и организует сопротивление. На Вирме тоже беспокойно. Но есть ли до этого дело их высочествам? Ричард и Анжелина нашли свою любовь, но кому из них даруют счастье боги? Ведь не все на острове довольны союзом...

Содержание

Пролог.	5
Глава 2	53
Глава 3.	104
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Галина Гончарова

По праву короля

О, вспомни: с Временем тягаться бесполезно;

Оно – играющий без промаха игрок.

Ночная тень растет, и убывает срок

В часах иссяк песок, и вечно алчет бездна.

Вот вот – ударит час, когда воскликнут грозно

Тобой презренная супруга, Чистота,

Рок и Раскаянье (последняя мечта!):

«Погибни, жалкий трус! О, поздно, слишком поздно!»

Ш. Бодлер. «Часы»

Пролог.

Лиля отбросила за спину толстенную косу, и пустила Лидарха в галоп.

Умный конь и сам рад был побегать. Он полетел над полями, словно птица, прямо к закатному солнцу...

Да, когда ты умеешь ездить верхом, это непередаваемые ощущения. Слияние с послушным и умным... и нет, не ложится сюда слово – животным. Какое же конь – животное?

Когда-то в детстве Лиля читала приключенческие романы, тогда все было просто. Герои куда-то ехали, загоняли коней, крали их, меняли на новых...

Да разве можно так поступить?

Загнать Лидарха?

Или обменять его, оставить...

Это даже не подлость, это хуже. После такого только что на осине вешаться остается, если дерево не побрезгует. И не надо говорить, что для них это был просто четвероногий транспорт. Вы посмотрите, какими глазами Джерисон смотрит на Лидарха! Да и на своего четвероногого монстра, хотя тот аварцу и в подметки не годится!

Для него конь – это друг, а не расходный материал...

Да, Джерисон.

Вот ведь еще вопрос.

Так, наверное, и бывает, пока ты рвешься куда-то в бой,

пока звенят мечи и свистят пули, пока падают вокруг люди и нет времени призадуматься... сколько великих признавались, что в бою – проще?

Много, очень много.

Там действительно проще.

Надо убить врага, надо, чтобы тебя не убили. Надо защитить друзей и родную землю. Все.

А вот когда начинается мир, когда за красивыми словами прячется чаша с ядом, когда из-под кустов вылезают вовремя спрятавшиеся змеи...

А так и происходит.

И становится сложно разобраться, где враг, а где друг.

Вот, для Али – Лилиан все было просто. Сначала, когда она попала в тело несчастной графини, да еще в замок Иртон – выжить. Навести порядок, отбиться от врагов, пережить зиму...

Сделали.

Потом, когда она попала в столицу, стало тоже сложно, но понятно.

Наладить производство (она, конечно, не гений, но хотя бы основы знает, а у местных и того нет, сплошные гильдии), произвести хорошее впечатление на короля и придворных, разобраться с заговором, в который попала по чистой случайности...

Вот ведь еще... ур-роды!

Можно понять, когда в заговоре участвуют те, у кого ни-

чего нет. Денег – нет, совести – нет, перспектив – тоже нет, власть зажимает, жизни не дает...

Тут понятно. Читай – Мария-Антуанетта с ее пирожными. За такое надо бить морду, не раздумывая. И устраивать революцию.¹

А когда у тебя вопрос только в одном, какое пирожное стрескать первым? С малиной, или с вишней? Когда нет проблем, когда власти и денег хоть ложкой ешь?

Ну и чего вам, сволочи, на месте не сиделось?

Лиля обижалась не просто так.

Сначала попались Ивельены – близкие родственники бедолаги Джерисона. Хорошо хоть муж до сих пор не знает кое о каких подводных камнях, да и не нужно ему такого знать, здоровее будет.

Потом в тот же заговор влезли Фалионы. А между прочим, Александр Фалион в свое время очень нравился ее сительству. Даже очень-очень... не гад он после этого?

Редкостный.

Он потом утверждал, что в заговор влез из-за обиды, он-де Лилиан полюбил, а она ему предпочла другого (заметим в скобках – законного супруга и отца ее дочери), чем обидела и на всю жизнь разочаровала в женщинах. Ну так извините.

¹ Лилиан не совсем права, в силу плохого знания истории. Данная фраза появилась у Руссо, когда Марии-Антуанетте было всего лишь девять лет. А еще, во Франции тех времен, по вечерам было принято раздавать нищим остатки дневной выпечки, что за день не продали. Нет хлеба? Бери пирожные и кушай, завтра-то их уже не продашь, это еще Людовик 14-й ввел. Прим. авт.

Будь у Джерисона Иртона хоть восемь рогов, змеиный хвост и щупальца, как у Ктулху, все рано Лиля попробовала бы с ним наладить отношения.

Ради Миранды.

Не ради себя, а вот ради дочери...

Пусть Миранду рожала не она, Лиля искренне полюбила малышку, и намеревалась сделать все, чтобы дочке было хорошо и уютно. Ради такого можно и супруга потерпеть.

Правда, был шанс от него и избавиться.

Милый граф, по своему наплевательскому отношению к женщинам, не принял одну из них всерьез, за что и поплатился ядом в стакане. Чего стоило Лиле его вытащить...

Наверное, каждому человеку, хоть раз в жизни, надо сходить на экскурсию в реанимацию. И посмотреть как оно там. А чиновников вообще пинками туда загонять. Принудительно. И оставлять на трое суток.

Вот после этого у людей навсегда пропадет желание шипеть на медиков. Или урезать им зарплату, или обвешивать идиотскими бумажками... Лилия бывала. И видела.

И сама сделала то же самое для супруга.

Можно сказать – повезло им всем, и дважды. И Джес остался жив, и мозги у него включились. Пребывание при смерти, оно как-то способствует. А для закрепления осознания граф чуть не три месяца просидел на жидких кашах и бульонах – Лилия безумно боялась язвы желудка. Операции она здесь провести не сможет, гастроскопия еще не роди-

лась, как раздел медицины, так что язва, тем более, прободная – это приговор.

Повезло.

Видимо, яд не успел настолько сильно изуродовать желудок, вовремя помощь оказали. А Джерисон всерьез решил наладить отношения с женой.

Получилось бы у них – или нет, вопрос философский, все равно разобраться не дали.

С Вирмы пришло письмо.

Когда Лиля нанимала вирман для охраны поместья, меньше всего ее волновало, что у Лейфа там кровная месть... да хоть что делай! Главное – помоги. Кто там виноват, кому мстили, Лилю не волновало совершенно.

А в результате – хвост приполз. Оказывается, кровная месть – она и у вирман есть, и даже с одобрения Круга. И надо либо разбираться с этим вопросом здесь и сейчас, либо Лейф окажется вне закона и никогда не сможет выйти в море. Да что там, его любой вирманин убьет, как бешеную собаку.

Такой судьбы для друга Лилия не хотела, и не задумываясь, отправилась бы на Вирму, отстаивать его интересы.

А как иначе?

Она Лейфа наняла, он ей клятву принес, ей и отвечать. И ответила бы. И не факт, что уцелела бы Вирма, ибо медик в гневе страшен и человекоопасен, но не успела.

Оказалось, что у его величества свои планы на графа Ир-

тон. А именно – отправляться в Уэльстер, забирать невесту его высочества, принцессу Марию. Раз уж есть договор с Гардвейгом, раз уж Анелия сбежала...

Пусть Мария растет при дворе его величества Эдоарда, авось, блудить не начнет и травить никого не приучится.

Граф должен ехать. А для солидности – с семьей. И с целым посольством.

Лиля, было, взъерошилась, но его величество вежливо объяснил, что больше-то и некому. Гардвейг хотел бы видеть Лилиан, нога у короля все еще болит, пусть он и соблюдает все, что лекарь прописал, но хотелось бы и консультацию. Так что Лиле хорошо бы поехать.

А Джерисон – племянник короля.

Принц...

Его высочество, конечно, мог бы съездить, но это как-то не принято. Получится, что Ативерна себя ставит всяко ниже Уэльстера, а это нехорошо, они нам больше должны за некондиционную принцессу. А вот граф Иртон в самый раз.

Почему так?

Графиня, а вы не ищите высшего смысла в требованиях этикета, вы его просто выполняйте. И голова болеть не будет.

Вирма?

А вот на Вирму мы как раз отправим его высочество. И все будет отлично. Пусть Ричард опыта наберется, зубки отточит, договор о взаимопомощи с Вирмой подпишет, есть там у них такой Круг Кланов, вот, с ними. А то как вирман

на помощь звать, так вы, графиня, не задумались.

А что теперь вирмане связаны не с Ативерной, а с Иртонами – это проблемы короля?

Нехорошо, графиня, не по-верноподданнически получается.

Пусть едет его высочество, и ее высочество. Одна из. Зачем?

А, будем кроме договоров еще и браки заключать. Нет, не принцессы, конечно, где ж это видано? Был бы на Вирме король, вопрос бы стоял иначе. А глава обычного клана – это мелко. Для принцессы.

А вот для фрейлины принцессы – в самый раз, тут важно подходящих фрейлин подобрать, но с этим его величество справится, и не с таким справлялся.

Лиля плюнула, но ехать согласилась.

Увы, не на корабле. На корабле было бы быстрее, но уж очень неудобный фарватер. И сезон штормов начинается. Вирмане и Круг-то собирали после уборки урожая, как раз, пока шторма шли, и в море было не выйти, умные люди. До Вирмы плыть не так далеко, несколько дней, это еще путем. А вот вдоль побережья, с его приливами и отливами, с Лиймайерским заливом...

А еще с водоворотами.

Это, конечно, не Мальстрем, не Сальстраумен и не Олд Соу, но в сезон тут очень сильно дурят течения. Возникают сезонные водовороты, особенно паскудные, почти постоян-

ные они в Погибельном проливе, рядом с Лорисом, но и у берегов Ативерны тоже есть парочка.

Это не самые страшные водовороты в мире, но и суда тут парусные. Гребные, деревянные... короче, им – хватит.

А еще, столица Уэльстера, Кардин – ни разу не порт. То есть поплюхайте по морю, через шторма и сумасшедшие течения, а потом еще по суше. Проще уж сразу ехать по суше, переправиться через Лимайерский пролив подальше от его «горла», а потом опять по суше...

Так и решили.

Уже потом Лиля поняла, что был у его величества и коварный план, о котором не сказали графине. А что?

Аля когда-то видела у подруги интересную картину. Та разводила хомячков, и время от времени прикупала новых, которых «старожилы» встречали «в штыки». Что делала подруга?

Она складывала весь свой хомячий базар в сумку-переноску, не разбирая, где старые, а где новые, и небрежно так помахивая ей, отправлялась на двухчасовую прогулку. Тут тебе и фитнес, тут тебе и дружба.

Вернувшиеся в клетку ошалевшие хомяки потом уже плевать на новичков хотели.

Вот, сейчас Лиля чувствовала себя таким же хомячком-подселенцем. Засунули ее с Джерисоном, с придворными кавалерами и дамами в одну переноску, и пошли трясти...

А с другой стороны...

Мужа она узнала намного лучше. Недаром когда-то пел поэт – хочешь узнать человека, бери его с собой в горы². Там и налюбишься.

Джерисон оказался подходящим партнером для путешествия, неглупым, не капризным, с ним всегда можно было договориться, ну и положиться на него тоже можно было. В этом Лиля убедилась, когда на них напали разбойники. Кстати, уезжать далеко от кортежа не надо, а то нарваться можно..

Лиля развернула аварца к дороге.

Скоро уже и ночлег, и привал. И Кардин скоро... пожалуй, что его величество прав.

Они с Джерисоном уже хотя бы не мечтают о мгновенном разводе. Глядишь, еще обратно проедутся, и вовсе подругатся?

Не лучшая основа для брака?

Ага, романтические чувства, огненная страсть, искры желания... чего там еще пишется в дамских романах?

Дайте хоть узнать друг друга получше! А потом и об остальном подумаем, искры вам... граф вам что – неисправная электропроводка? Или дефибриллятор?

Разряд!

Еще разряд!

А вот и сам граф. Они с Мирандой ехали навстречу Лиле. – Мам, ты скоро? – завопила благородная виконтесса.

² В. Высоцкий, Песня о друге, прим. авт.

Лиля рассмеялась, и чуть коснулась конских боков каблук-ками. Лидарх понятливо ускорился.

А неплохое все равно путешествие получается. Виват хомячкам!

Глава 1.

Убийцы вышли на охоту

Вирма, земли клана Хардринг

Долгая ночь?

Долгий день?

Бран ошибся. Они были не просто долгие – бесконечные. Хорошо хоть... но – по порядку.

Хорс Келлог времени зря не терял – помчался прочь с воплем, оповещая всех, кого мог. И первым на пляж ворвался Олав.

Упал на колени рядом с Алией Рейнст, взгляделся – опытный воин отлично понял и что девушка мертва, и как ее убили. Взглянул на Брана и выдохнул одно слово:

– Кто?!

– Знать бы, – отозвался Гардрен. – Сам услышал крик, прибежал...

Взгляд Олава остановился на ее высочестве. И отчетливо так в нем прочиталась мысль: «куда бы спихнуть даму, чтобы вежливо и чтобы не вернулась?». А то путается у мужчин под ногами, дело делать мешает, сейчас еще в истерику впадет,

знаем мы эти тонкие чувствительные натуры. . .

– Это – моя фрейлина, – возмутилась Анжелина, каким-то шестым чувством поняв, о чем думает Олав. – Даже не думайте меня убирать отсюда! Не уйду!

И ногой топнула для убедительности.

Понятно, вирман бы такая мелочь не остановила, хоть ты весь песок в округе утопчи, но вежливо спровадить принцессу никто не успел.

– Анжи?

Ричард бегал медленнее вирман, потому и пришел, когда все окрестности уже были плотно забиты людьми. Повезло, что его знали в лицо и пропускали, а то так и прыгал бы в задних рядах.

А что?

Всем любопытно!

К смерти у вирман отношение было самое утилитарное, так что плакать и ужасаться никто не собирался. Да и вообще – средние века.

Смерть не считалась концом или чем-то ужасным.

Да, человек умер здесь. Теперь он – там. У Альдоная. Или в чертогах Олайва. А мы пока здесь, что ж, придет пора – встретимся. О чем тут горевать?

Жрецы утверждают, что там не хуже, чем тут. Значит надо что?

Молиться за ушедших. И жить дальше.

Так люди и поступали. Родных и близких у Алии на Вир-

ме не было, рыдать над телом было некому, поэтому стон и плач временно отменялись. А вот вопрос – кто и зачем был актуален как никогда. Эта смерть была совершенно не ко времени и ставила под удар все посольство. Все добрососедские отношения с Ативерной, которые были очень важны для Вирмы. Это и дураку понятно было, но до кого-то, вот, не дошло. Интересно, до кого именно? Или дошло слишком хорошо? Бран ответа не знал, но собирался узнать.

– Рик, со мной все в порядке. Алию Рейнст убили, – отозвалась принцесса. Была она бледна, но держалась неплохо.

– И кто?

– Знать бы, ваше высочество, – хмыкнул Олав.

Ричард опустился на колени рядом с девушкой, принялся оглядывать труп. Судя по виду тела, девчонке просто свернули шею, как цыпленку. Женщина с таким не справится, только мужчина и достаточно сильный. Ну, это конечно, поможет. Минус половина Вирмы – женщины. Минус еще треть от общего числа – старики и мальчишки. Сколько здесь сегодня людей присутствовало? Человек пятьсот? Значит, теоретически, убить девчонку могли человек сто пятьдесят – двести. И ведь кто угодно, просто – кто угодно. В ночи Флейны за людьми уследить не представляется возможным, это Ричард отлично понял. А с оружием на Вирме умеют обращаться все. Начиная с тех самых детей и женщин.

Руки Брана коснулись ледяные пальцы.

– Ваше высочество, – обернулся он. – Позвольте, вас надо

проводить в дом...

Анжелина качнула головой. Она была бледной, чуть пошатывалась, но серые глаза смотрели прямо и серьезно.

– Бран, сейчас не время. Надо осмотреть место преступления, искать следы, разбираться, пока не поздно.

– Боюсь, ваше высочество, уже поздно.

Анжелина огляделась и вздохнула. Сказать-то было несложно, а вот как это осуществить? Если тут какие следы и были – стадо любопытных лосей все затоптало. Но примеры ей были известны.

– Пока еще у нас есть шансы.

Бран, который отродясь не был оптимистом, покачал головой.

– Что мы тут найдем, миледи? После всей этой толпы?

– Бран, ответьте мне на такой вопрос? Как ее убили? Я не приглядывалась, – честно призналась Анжелина, – а знать надо. Это важно для расследования.

Брану захотелось увести отсюда девочку, но ведь не просто вирманская девушка перед ним стоит, а принцесса. И она отвечает за своих людей. Не уведешь, не уговоришь. Она первая и не поймет.

Интересно, откуда такие вопросы?

Чему вообще учат принцесс в Ативерне? Бран подозревал, что ни одна из его знакомых женщин такими вопросами, как способ убийства, не задастся. Откуда вообще у девушки такие мысли?

Знал бы он, что это последствия историй о бароне Холмсе, которыми делилась Лилиан Иртон, искренне бы удивился. Но...

– Ей свернули шею.

– Вот как... тогда убийца – мужчина? – Анжелина пришла примерно к тем же выводам, что и Ричард.

– Да, безусловно.

– А на руках у нее следы есть?

– Какие следы?

Бран сначала даже не понял, о чем ему говорит принцесса. Анжелина вздохнула, потерла лоб.

– На руках. На запястьях. Ее удерживали – или нет? На лице, на шее – если ее пытались изнасиловать? К примеру?

– Холош!

До Брана дошло только сейчас.

Если есть следы на руках, значит девчонку пытались удерживать. Если следов нет – она была здесь по доброй воле, и не рассчитывала, что все так далеко зайдет. Если это было насилие, обязаны быть синяки. Если нет... но и тогда мужчины обычно оставляют следы на девичьем теле. Припухшие губы, к примеру. Или засосы. Это надо проверить. Повитуху приглашать бессмысленно, Бран был в курсе кое-каких обстоятельств, но и без повитухи видно бывает, что там было у девушки и когда. Жаль, не видно – с кем.

– Ваше высочество, я сейчас посмотрю.

Бран поглядел на принцессу с уважением, и направился к

телу. Ему такие вопросы в голову не приходили, но раз уж спрошено?

Что тут скажешь?

Девчонка не сопротивлялась. У нее просто свернута шея – и других повреждений нет. Бран прикинул возможные ситуации.

Представьте себе, разгоряченный мужчина хочет женщину, она отказывает ему, отбивается, и он в порыве страсти... что? Что может сделать мужчина в приступе похоти, Бран примерно знал.

Рвет платье, ставит засосы, удерживает ее мертвой хваткой... ничего такого нет. Тело чистое, платье целое. Губы не распухли, это видно... это не любовь, это не насилие.

Девчонка что-то говорит такое, что разъяренный мужчина ее – убивает? Вот так? Сразу? Не попытавшись даже ударить для начала?

Ну, может быть, но не факт. А следов на лице тоже нет.

Ей просто свернули шею и бросили, где лежит. Хладнокровно, безжалостно, достаточно обдуманно. Она и вскрикнуть не успела, может, и понять не успела, что происходит.

– Рядом с ней ничего нет?

– Нет, – покачал головой Олав.

Это только в историях о мистере Холмсе, убийца оставляет следы рядом с телом. В реальной жизни от них такого подарка не дождешься.

– У нее чистые пальцы? – подала голос принцесса.

– Пальцы? – удивился Ричард.

– Если меня хватают за шею, я бы хоть отбиться попыталась, – справедливо заметила принцесса. – Поцарапать... хоть пара секунд у меня есть? А руки у негодя заняты, глаза он защитит не может...

Мужчины переглянулись.

И снова здравая идея? Есть что-то в этих историях, определенно.

Увы, результатов она не дала. Пара ногтей у Алии была сломана, но следов крови на пальцах не было. Видимо до человека она не дотянулась. А синяя шерстяная нить... да половина Вирмы в таких плащах ходит. Это ничем не поможет.

Убийцу не поцарапали.

– А платье у нее в порядке?

На этот раз к вопросу принцессы прислушались. Анжели-на сама не могла прикоснуться к телу, ей было откровенно страшно, но пояснить, что она имела в виду, она могла.

– Платье не порвано, на нем нет дыр...

Мужчины переглянулись.

Вот уж этого им было точно не понять. На вирманских платьях проще, а вот с этими ативернками, с их рюшами, кружавчиками, оборочками... поди, разбери там, что на месте, чего на месте нет...

– Позвольте мне?

В круг, образованный людской массой, вышла одна из кирий, которая присутствовала сегодня на празднике. Этакая

здоровущая бабища, у которой рука была толще, чем у Анжелины нога. Принцесса ее даже не знала. Но это и не нужно – пока.

Кирия опустилась на колени рядом с телом Алии Рейнст, быстро оглядела ее.

– Карман порван. И тут внутри, завязки почти оторваны, на соплях держатся... ваше высочество.

– Вот! – хлопнула в ладоши Анжелина. – спасибо вам, госпожа! Похоже, Алию обыскивали! Уже после смерти!

– Спасибо, – вежливо кивнул кирии Бран Гардрен. И пригляделся к телу еще внимательнее.

– Олав, а как ее убили?

– Руками.

– Спереди или сзади?

Олав присмотрелся к следам на тонкой шее. Пятна чернели достаточно выразительно.

– Пожалуй, что и сзади.

– Алия уходит с праздника, идет... знала ли она это место? – принялся перечислять Ричард.

Анжелина поглядела на свою фрейлину.

– Джин?

– Мы как-то не очень ладили, миледи, – честно призналась Джин. – Лучше Эшли спросить.

– Спросим. Но могла Алия знать об этом месте? Найти его?

Джин развела руками. Чисто гипотетически – могла. Чи-

сто практически... да кто ж ее знает?

– Лицо не заплаканное, следов побоев нет, то есть она приходит сюда по чьей-то просьбе...

– Не записке? – подала голос Анжелина, окончательно наплевав на все приличия. – Просьба устная – или письменная?

Мужчины переглянулись.

– Если ее обыскивали, вряд ли оставили записку, – заметил Бран.

Анжелина пожала плечами.

– Господин Гардрена, я точно знаю, что идеальных преступлений не бывает. Злодей всегда совершает ошибку. Если это была записка – одно, мы ее вряд ли найдем. А если просьба устная, может, мы узнаем, кто подходил к Алии? Вдруг кто-то что-то да заметил?

– На это надежды мало, ваше высочество.

– И все же...

– Обязательно поищем записку, – пообещал Олав. – Итак, девушку вызвали сюда, она приходит и ждет. Мужчина, воин, подкрадывается из темноты – и сворачивает ей шею. Она только что руками дернуть и успела.

– Разве? – прищурилась Анжелина.

Олав покачал головой.

– Миледи...

– Разумно ли убивать ее, а потом обыскивать тело? Она могла и не принести то, что искали, разве нет?

– И как вы себе это представляете, ваше высочество?

Анжелина прикрыла глаза.

Ей виделось это так:

Кто-то на празднике подходит к Алии, кто-то вызывает ее в это место. И здесь ее ждет вирманин. Почему-то он представлялся гигантом в плаще. И обязательно с ножом за спиной.

И почему так? Страшная штука – воображение.

Алия приходит, смотрит в глаза убийцы.

– Ты принесла то, о чем мы договаривались?

– Да. А вы принесли деньги?

– Да.

Из темноты за спиной Алии появляется вторая фигура. Девушка и пискнуть не успевает, как обвисает в лапах неизвестного, слышен ее последний вздох...

– Обыскать, – следует приказ негодяя.

Грубые руки шарят по еще теплому телу, рвется карман, трещат завязки... А вот что было дальше?

– Я только не знаю, нашли эти люди то, что искали, или не нашли?

Мужчины переглянулись.

– Могло быть и так, – кивнул Ричард. – Могло.

– А кто кричал? – задумался Бран.

– Я, – хлопнула носом Джин. – Я на нее чуть не наступила.

Бран перевел взгляд на Хорса.

– Ты об этом месте откуда знаешь?

– Да все знают, глава Гардрена, – развел руками молодой

Келлог. – Кто помоложе – те точно.

Бран хмыкнул. Ну, значит, и кто постарше – тоже. Кто в молодости не бегал с красивой девушкой смотреть на море? Сам грешен, но не пойман.

Олав первый понял, что больше они из этой ситуации ничего не выжмут, и поднялся с колен. Кивнул одному из вирман.

– Отнеси тело в дом к лекарке. Пусть разденет, осмотрит, обмоет... все, как надо. Понял?

Мужчина кивнул. Мол, приказывай, глава, повинуюсь. И поднял с травы легкое тело в розовом. А Олав обернулся к Ричарду.

– Ваше высочество, это ужасное происшествие. Я прошу вас пройти в дом, там мы и обговорим все случившееся.

Ричард кивнул.

Да уж. Не на виду у всех отношения выяснять. И сестру хорошо бы увести отсюда, а то вся дрожит.

– Пойдем, Анжи...

Ричард приобнял Анжелину за плечи и мягко потянул за собой.

Сюрпризы на эту ночь еще не закончились. Неизвестно, как там Флейна, но Холош развлекался от души. Двери дома, который отвели для ативернского посольства, были распахнуты настежь. А в комнате, которую занимали Алия Рейнст и Эшли Лорин царил... хаос. Иначе и не назовешь.

Все было перевернуто вверх дном, даже кровати своро-

тили и матрасы вытряхнули. И солома печально кружилась, оседая на пол. Сундуки вытряхнули, дно зачем-то проломили... с-сволочи!

Ричард выругался, как при дамах не стоило бы.

Анжелина сделала вид, что ничего не слышала.

– А где Эшли Лорин?

Фрейлины нашлись достаточно быстро. Эшли весело проводила время в обществе второго сына главы клана Келлог, они ушли достаточно далеко от костра, и потому не слышали крика. Да и переполох их не затронул.

Смешливая кареглазка понравилась вирманину, и тот прилагал все усилия для ее завоевания. Но уж такой переполох пропустить было сложно. Пришлось прервать свидание. Сейчас Эшли в ужасе взирала на сундуки, из которых было вытряхнуто все содержимое, на густо усыпавшую пол солому, и кажется, готова была расплакаться.

Анжелина цыкнула на девчонку.

– Эшли, сейчас тебе пришлют служанок. Будь любезна, разбери, где твои вещи, где вещи Алии, проверь, что пропало... ты поняла?

– Да, миледи.

– Замечательно. Потом мне доложишь.

Анжелина взглянула на Олава, но тому объяснять было не надо. Он уже приказывал прислать рабынь для уборки помещения.

– Значит, убийцы не нашли то, что было у Алии.

– Но могли найти потом. Сейчас, то есть, ваше высочество, – согласился вирманин.

– Или – не могли.

– Пока мы этого никак не можем узнать.

Анжелина вздохнула. Да, не можем. Но как же хочется!

Спустя час в главном зале дома, отведенного для ативернцев, сидели шестеро человек.

Ричард Ативернский – это его касалось самым непосредственным образом. Олав Хардринг, Бран Гардрен, Лейф Эрквиг, Джеймс Донтер и ее высочество принцесса Анжелина, которая наотрез отказалась уходить. Ричард и ругаться на сестру не стал, вот еще не хватало. Идеи у нее здравые, истерики не закатывает – и зачем ее гнать? Просто потому, что женщина?

Это уже глупость.

Первым взял слово Ричард, как самый высокопоставленный и титулованный.

– Все плохо, господа и дамы. – Присутствующие и без него это подозревали, но вдруг они недооценивают всю глубину ямы, в которую провалились? Так что Ричард продолжил разъяснения. – Если убийцу не найдут, будет большой скандал, и мы его никак не замнем. Ативерну польют грязью, а вас представят дикарями, которым все равно кого убивать. Мужчин ли, женщин... союз не состоится. Даже если я за-

крою на все глаза, сплетни пойдут по миру. И лицо мы потеряем раз и навсегда. И мы, и вы.

Бран кивнул.

Вариант, собственно, был один. Найти убийцу – и предьявить всем с убедительными доказательствами. В крайнем случае не найти, а назначить, но это уж если вовсе – край. Хотелось бы найти, не стоит такое оставлять за спиной. Вдруг негодяю убивать понравится?

– Интересно, ее убили потому что баба – или чтобы поссорить нас с Ативерной? – задумался Олав. – Нет-нет, ваше высочество, я помню про ваши рассуждения, но все же разница есть. Она могла узнать про какую-то бабскую интрижку, а могла наткнуться на нечто более серьезное. Вот мне и хотелось бы знать, что именно случилось.

Анжелина развела руками.

Она уже поняла, что на Вирме более вольные нравы, но к примеру, если Алия узнала, что жена Олава с кем-то блудит... однозначно, постаралась бы заткнуть негодяйку. И когда шантажисты поймут, что это ремесло чревато смертельным исходом?

– Повреждений на теле нет, в одежде ничего не обнаружено, – отчитался Джейми Донтер. – Ее не били, не мучили, с ней ничего не делали. Просто подошли сзади – и свернули шею. Она и мявкнуть не успела, разве что руками взмахнула.

– Получается, что с ней не говорили, ничего не хотели, не добивались...

– Или все было сказано раньше.

Мужчины мрачно переглянулись. Опять же, никакой определенности. Может быть, принцесса права, может быть, неправа. Не угадаешь.

Анжелина подняла руку, привлекая к себе внимание.

– Господа, я поговорила с Эшли Лорин. Она утверждает, что у Алии появился поклонник. В последние несколько дней, кстати говоря, уже после моего посещения Храма Анноры. Несколько раз Алиа возвращалась с прогулок с цветами, а в последние два дня была очень возбуждена и нервничала.

– Влюбилась? – уточнил Бран.

Анжелина покачала головой.

– Эшли утверждает, что тут другое. Алиа... ее в свое время бросили, над ней посмеялись, и с тех пор она не слишком доверяла мужчинам. Эшли говорит, что она хотела мужа и денег. Больше всего на свете, она хотела именно этого, а о любви речь не шла.

– Положим, все девушки, которые приехали сюда, ищут не любовь, а надежное плечо, – задумался Бран. – Прошу прощения, ваше высочество...

– Но это правда, – улыbnулась Анжелина. – С другой стороны, Алиа не выглядела даже увлеченной...

– Ей заинтересовались как женщиной – или как вашей фрейлиной? – озвучил очевидное Бран. – Она рядом с вами, ваше высочество, она имеет возможность... да что угодно.

Нанести удар, подсыпать яд...

– Алия не стала бы, – вслух подумала Анжелина. – К чему? Ей это невыгодно.

Бран задумчиво кивнул.

– Вредить вам невыгодно, согласен. Она бы никуда не делась с Вирмы. Рано или поздно узнали бы и нашли. Значит... а кто ее бросил? Не вирманин?

– Нет. Ативернский дворянин.

– Понятно.

– Зачем громить комнату, если ей интересовались просто как женщиной? – удивился до того молчащий Лейф.

– И она могла ответить взаимностью, – мягко заметил Джейми.

– Могли ей что-то подарить? – задумался Бран. – Что-то такое, что указывало бы на дарителя?

– Вопрос ставится иначе. Нашли это нечто – или не нашли? – мягко вступила Анжелина.

Мужчины разом посмотрели на принцессу, но та и не думала смущаться.

– Могли не найти? – озвучил Олав.

– Могли, – не стала скрывать Анжелина. – Считайте – обыскать дом ДО убийства неизвестный не мог, он физически не смог бы и быть рядом с Алией...

– Ой ли, сестричка? – Ричард прищурился. – Вот тебе второй вариант. Некто мог прийти, обыскать дом, найти то, что дал Алие, а потом пойти и убить ее. Она же стала не нужна

и не опасна.

Анжелина покачала головой.

– Нет. Не мог.

– Почему?

– Тира, – просто объяснила принцесса. – Мы были здесь вместе, она помогала мне собираться, потом проводила меня, но сама к кострам не пошла. Подумала – и вернулась домой. С молодежью ей не по пути, с мужчинами пока не сядешь, с женщинами тоже неудобно, она все же хочет быть кирией, поэтому она подумала – и вернулась. Вышла только услышав крик.

– Вот как, – кивнул Ричард. – Что ж, неплохо. У убийцы было полчаса, вряд ли больше на обыск. Мог найти нечто, а мог не найти. А вот что он искал?

– Пока неизвестно. Эшли требуется время, чтобы все разобрать.

Мужчины закивали. Это понятно, но увы – не поможет в расследовании.

– А откуда этот человек знал, что в доме кто-то есть? – задумался Бран. – Наблюдал?

Ричард передернулся.

Одна мысль, что кто-то наблюдал, а Тира была здесь одна, беззащитная...

Он найдет эту мразь и сам оторвет ему голову! Голыми руками!

Анжелина грустно вздохнула.

– И как это у барона Холмса все так легко получалось?

– Жизнь, сестренка, это тебе не книжки, – отозвался Ричард. – С чего вообще начинал этот барон? Я как-то не слишком увлекался рассказами?

Вирмане переглянулись, но уточнять, что за барон пока не стали.

– Осмотр места преступления, – отозвалась Анжелина.

– Считай, осмотрели. Потом что?

– Кому выгодно. Он искал – кому выгодно убийство.

– И кому может быть выгодно убийство твоей фрейлины?

– Либо тому, кто хочет поссорить Ативерну и Вирму, – мягко вмешался Бран Гардрен, – либо госпожа Рейнст что-то узнала.

– Или ей что-то предложили, а она отказалась, – добавила Анжелина.

– Отказалась ли?

– А с чего ей нервничать, если бы она согласилась?

Бран хмыкнул.

– Возможно и такое, ваше высочество. Допустим, она сначала согласилась на что-то, а потом отказалась...

– А аванс она получила? Вряд ли Алиа доверяла мужчинам, – подал голос Джейми.

Мужчины переглянулись.

А и правда – аванс! Все равно придется подождать, пока Эшли не разберет все вещи.

Тяжелая ночь плавно переходила в тяжелый день, и кон-

ца-края этому видно не было. Им оставалось лишь переливать из пустого в порожнее, без особых результатов. Предположений было много, а вот подтверждений той или иной версии, пока не находилось. И когда еще найдется?

Сложное это дело – убийства расследовать, особенно если у тебя никакого опыта.

Уэльстер, Кардин.

– Скажи – Ма-ри-я. Ма-ри-я.

– Мая...

– Ну-ка, скажи – rrrrrrrr! Как собачка рычит? Rrrrrrrr!
Давай порычим вместе?

Принцесса возилась на ковре с двумя маленькими братьями. Изображала собачку.

Эдуард, которому из-за выпадающих зубов плохо давался звук «р», пытался порычать.

Младший, Корин, просто висел на шее у сестры мелкой обезьянкой. Берта наблюдала за этой картиной с улыбкой на морщинистом лице.

Так их и застал его величество Гардвейг, зашедший к детям.

Реакция у всех была разная.

Берта вскочила и согнулась в низком поклоне.

Мария замерла, словно изваяние.

Эд и Кор с визгом бросились на шею к любимому папе. Младший – просто полез по нему, словно по дереву, а стар-

ший полез в карманы. А что там вкусенького, но не слишком-то разрешенного принес любимый папа?

Гардвейг улыбнулся дочери.

– Все хорошо, Ри. Садись в кресло...

И уселся сам.

Берта разогнулась и покинула королевскую семью. Эдурд как раз обнаружил орехи, вареные в меду, и принялся их грызть, Корин терся щекой о папину бороду, а Гардвейг внимательно смотрел на Марию.

– Нравится тебе возиться с малышами?

– С моими братьями, ваше величество...

– Не стоит так строго. Я все же твой отец, малышка.

– Да, отец.

Гардвейга Мария боялась до нервной икоты, и на то были причины. Спихнуть их в старый замок, словно ненужную ветошь, потом вытащить, чтобы использовать... да, любовь тут будет хлестать фонтаном. Кто б спорил!

– Через несколько дней придет ативернское посольство, – зашел с другой стороны Гардвейг. – Надеюсь, ты будешь счастлива с Ричардом.

– Я исполню вашу волю, – отец, – прошелестела Мария.

– И только? А у тебя никого нет на примете?

– Нет, отец...

Мария почти шептала.

Гардвейг терроризировал ее вопросами еще минут пятнадцать, а потом в комнату вошла Милия, поняла все и пре-

кратила безобразие.

– Берта, малышей давно пора укладывать. Мария, солнышко, помоги няне? Гард, любимый, ты не мог бы проводить меня в спальню? Что-то спину тянет...

Король, который уже приготовился высказаться на тему некоторых супругов, тут же замолчал, поднялся и подхватил жену под руку.

– Пойдем, Милли.

Уже на пороге Милия обернулась и подмигнула Марии.

Девочка ответила взглядом, полным благодарности.

Что ж, мамы у нее нет, но Милия ей как старшая сестра, которой у Марии тоже никогда не было. Что она попросила? Уложить детей?

Мария послушно захлопотала, не замечая острого взгляда Берты.

Старая нянюшка не разбиралась в политических мотивах, и ей было все равно, как любовь Марии к братьям подействует в будущем на политику. Она просто не доживет до этого.

А вот что девочка любит малышню – это хорошо.

Что у ребят будет еще один близкий и родной человек – вообще замечательно. Умничка, Милли.

Уэльстер, графство Лорт.

Альтрес Лорт был недоволен.

Собой, жизнью, миром в целом... а кто бы чувствовал себя иначе, на его-то месте. И граф злился.

Придворная жизнь и сельская очень сильно отличаются друг от друга. И не только своим ритмом. Стоит просто представить – вы летели во весь опор на коне, не разбирая дороги, и только внимания хватало, чтобы уворачиваться от ударов и брать препятствия, и вокруг – бой.

А потом оказываетесь садовником в огороде. И самое важное событие – это как растет тыква. А растет она медленно и печально, непривычно, да.

Альтрес уже не помнил себя вдали от брата, вдали от Кардина, от двора... просто не было тех времен.

Им с Гардвейгом и пожить в дальних замках довелось, и бегством спасаться, и... но – ВМЕСТЕ!!! И всегда вокруг них кипела и бурлила жизнь, сплетались тенета интриг, и требовалось недюжинное хладнокровие и изворотливость, чтобы выиграть у сильного противника.

Сейчас Альтрес был один, и совершенно не знал, чем заняться. Объезжать поля, разговаривать с крестьянами, проверять, что там с урожаем...

А что – так можно?

СКУЧНО!!!

Безумно, беспредельно скучно, до истерики, до крика, до сведенных судорогой зубов – скучно!

Размеренная, тихая и уютная жизнь была уже не для Альтреса Лорта, он навек был отравлен игрой. Альтрес не знал выражения «адреналиновый наркоман», но жить без острых ощущений, без опасности, без танца на лезвии ножа, без ин-

триг и суматохи двора он физически не мог. Он чувствовал, как тупеет, угасает, сникает, словно цветок на морозе.

Сплетни на завтрак, объезд полей, визиты к соседям...

Убейте сразу, что ли?

Эдоард не мог придумать лучшей мести, хотя сам об этом и не догадывался.

А еще в деревне рано ложатся спать.

Во дворце можно не спать всю ночь, развлекаясь и наблюдая, Лорт и привык не спать, а в деревне ложатся с закатом, а встают с первыми петухами. А спать – как?

Лорт лежал, мрачно смотрел на небо, считал звезды и думал, что убил бы.

Всех и с особой жестокостью.

Кого именно? Списанием?

А, неважно! Всех!

Поэтому когда звезды заслонила тень, Альтрес Лорт даже обрадовался. И тихо-тихо сдвинулся под одеялом, в сторону... тень поддела кинжалом задвижку на окне, скользнула внутрь... Лорт честно дождался, пока человек окажется в комнате, а потом уж и поздоровался.

Метательным ножом, с которыми не расставался, ссылка там, не ссылка, а без оружия – как без штанов. Даже хуже.

Клинок проблеснул в темноте рыбкой и вонзился так, словно Лорт его лично вкладывал – в плечо.

Убийца согнулся, захрипел... Альтрес прыгнул с места.

Не убивать!

Живым братья!!!

Не повезло.

Убийца, отлично понимая, что с ним сделает личный королевский палач (да, и так Альтреса тоже называли за глаза), повернулся, вскинул руки – и умудрился вывалиться в окно.

С такой высоты, да на камни – спасать там было уже некогда.

Стоит ли говорить, что в лицо его Альтрес не знал?

Что в одежде не нашлось ничего, указывающего на заказчика преступления?

Что сообщника, а сообщник точно был, догнать не удалось. Неподалеку от замка нашли следы двух коней, но когда поднялась суматоха, второй все понял и сбежал. Что ж, правильно, но... поди, найди его теперь!

Альтресу оставалось только скрипеть зубами.

Вот ведь невезение! Надо было поближе подпустить, а он обрадовался хоть какому-то развлечению. И остался без «языка».

И думай теперь, кто захотел украсить свое скромное жилище головой отставного королевского шута. Много таких, ох, много ног оттоптанно, а будет и еще больше. Хоть сутки думай – не угадаешь, слишком велик выбор. И спросить не получится, может, удалось бы что-то вытряхнуть из убийцы.

А, чтоб его Мальдоная прибрала, гада...

Вирма, земли клана Хардринг.

Настроение Анжелины с утра можно было выразить тремя словами: злая, не выспавшаяся, усталая. И жутко недомогательная. Просто до ужаса.

Чем?

А, всем. И первой досталось Эшли Лорин. Принцесса звала ее к себе.

– Садись, Эшли. Разговор будет долгий.

– Да, миледи, – шепнула кареглазка, съеживаясь на стуле.

– Вы с Алией жили вместе, да и сошлись ближе, чем с двумя остальными девушками. Так?

– Да, миледи.

Анжелина поняла, что так она добьется только прямых ответов на свои вопросы, и решила сменить тактику. Чтобы правильно задавать вопросы, надо хоть что-то знать, а она-то НЕ знает. Вообще не владеет информацией.

Девушки были при ней, но менялись попарно. И у них было свободное время. Анжелина не таскала за собой всю свиту – видит Альдонай, зря! Вот что из этого получилось.

Анжелина кивнула Эшли на кувшин с вишневым отваром. Дикая вишня на Вирме росла, кислоющая, правда, но можно и побольше меда добавить.

– Налей себе отвара. Да и мне заодно.

Эшли повиновалась.

Анжелина сделала глоток, прикрыла глаза. Вкус ягод, меда, лета на языке, вкус чего-то из детства... конечно, в королевском саду тоже росла вишня. И они с Джоли сбегали из-

под неусыпного надзора нянек, чтобы сорвать темно-красные ягоды и от души наесться. А вишни были теплыми, и так пахли...

– Тебе нравится вишня? – голос принцессы звучал мягко.

– Да, миледи.

– А Алия какую ягоду любила?

– Ей земляника нравилась, миледи. Самая первая, она рассказывала, что любила даже ее собирать. Она нанизывала земляничины на такие тонкие травинки, а потом медленно поедала...

– Так жаль ее.

На глаза Эшли навернулись слезы.

– И мне, ваше высочество... ума не приложу, кто мог с ней так поступить! Алия была такой красивой, и мужчинам она нравилась...

– И здесь? На Вирме? А у кого было больше поклонников – у нее или у тебя?

Эшли чуть расслабилась.

– У нее, ваше высочество. Алия была больше похожа на вирманку, а мои волосы... знаете, вот Джин здесь красавица, вы тоже, а мы с Лорой... мы не останемся без кавалеров, вы не подумайте, у всех вкусы разные, но тех, кто любит светлые косы здесь больше. Считают, что светлые волосы – дар Олайва, и не хотят разбавлять кровь.

– Как порода у щенков, – хихикнула Анжелина. – А что с формой ушей? Или длиной хвоста?

Эшли тоже прыснула.

– Я не проверяла, миледи. Но может, и по длине – тоже... того?

– Может, и того. Кто ж его знает? Сколько за тобой сейчас вирман ухаживает?

– Мне Эрон очень нравится, – потупилась Эшли. – Знаете, я когда его увидела... он такой... это как удар солнца в глаза было. Луч – и ты ничего больше не видишь. И никого. А он подошел, заговорил... я никогда не думала, что могу ему понравиться.

Анжелина положила себе поговорить с Браном. Мало ли что там на уме у молодого вирманина?

– А у Алии такого не произошло? Бедная девочка...

Эшли пожала плечами с выражением превосходства.

– Алия так не считала, нет... она высказывалась в том духе, что мужики все, словно животные, им только одно нужно...

– Вообще всем?

– Видимо, да. Я помню, она один раз вернулась с прогулки, а на плече – след от зубов... ой!

– Эшли, Алия уже не была девушкой. Ты забыла? Она могла принимать решения за себя... давно это было?

– Дней пять – семь тому назад. Но неглубокий, не до крови. Дня через четыре там и следа не осталось...

Анжелина смутно помнила, как Алия несколько дней носила закрытые платья, но внимания она на это не обратила.

Ну, носит.

И что?

– Я думала, она на ветру простыла?

– Да она и могла... постоянно к морю бегала, – выпалила

Эшли.

– На свидание?

– Похоже. Она довольная возвращалась...

– А не бывало дней, когда она была особенно довольна?

Эшли задумалась...

Медленно, очень медленно, слово за словом, шаг за шагом, Анжелина вытягивала из девушки все, что касалось Алии. Все подробности, всё-всё, что могло быть важным или казалось таким...

Сложно?

Каторжный труд. Но Анжелина считала, что справилась неплохо – для первого раза. У нее было больше вопросов, чем ответов, да вот беда – задать их было некому.

Тем же вечером на берегу моря горел костер. Горел, хватывая из темноты и море, и берег, а рядом с костром сидели вирмане. Разговоры, уговоры, обещания, но Лейф старался без нужды корабль не покидать. Не верил он в благородство Торсвега. Ни разу, ни половинку раза. Он и за ржавый гвоздь удавится, и вообще – Торсвег, чего тут непонятного? Ничего хорошего от него ждать не приходится, так что

половина людей на корабле, в полной готовности, половина на земле, в лагере, и часовых выставить.

Как Бран Гардрен ни уверял, что Эльг Торсвег не самоубийца, ссориться со всем Кругом, но кто ж его знает? Слишком много всего Лейфу в руки упало.

И сам Эрквиг оправдан, и его корабль не сожжен, и малолетний Торн Эйнриксон Торсвег до кучи, опекаемый до семнадцатилетия.

Мальчишка просто вцепился в мужа сестры и не отлеплялся от него. На шаг не отходил.

Чего же он наслушался в отчем доме? В доме, который стал чужим и холодным?

Лейф догадывался, но окончательно уверяться не хотелось. Должно же быть у человека хоть какое-то понятие о чести? Даже если это Торсвег?

Наверное, должно. Только Эльгу об этом сказать забыли. А каково пришлось мальчишке?

Похищают сестру, убивают отца, двух старших братьев, умирает мать... и он готов прилепиться к похитителю сестры?

Вот так и понимаешь, что есть ситуации, в которых заклятый враг становится ближе родни. Жить-то хочется, а Эльг мальчишку, считай, уже приговорил. Пару лет пожить бы дал, а там...

Или грибами отравился бы, или ягодами. Или мечом или топором подавится. Что под руку подвернется.

Лейф бросил взгляд на берег, и вспомнил графиню Ир-тон, с ее выражениями. Как она говорила – вспомни отсутствующего, и он к тебе приблизится. Впрочем, чаще Лириан выражалась короче – что вспомнишь, то и всплывет.

На данный момент всплыл (сошел с корабля на берег) Торн Торсвег, присел рядом, посмотрел усталыми, недетскими глазами.

– Можно, дядя?

Лейф кивнул.

Времени поговорить у них толком так и не выдалось. Сначала мальчишка просто отсыпался, чуть не сутки, потом Лейф закрутился, да и страшновато было. Это не в атаку с топором идти, это живой человек, который тебе в глаза смотрит, за которого ты отвечаешь...

Не только перед Ингрид, а еще перед собой и богами. Хотя родная жена – она ближе, а боги-то дальше. От них, может, и не прилетит, а Ингрид точно не спустит.

Лейф протянул руку к костру. Снял прутик с поджаренным хлебом, протянул мальчишке.

– Будешь?

– Давайте...

– Давай и Лейф. Хорошо?

– Хм-м... пусть так.

– Торн, – разговор предстоял не из легких, но выбора не было. – Я тебе честно скажу, Ингрид я люблю. Она со мной счастлива. И с этим делом я ради нее связался, не ради те-

бя. Я о тебе не знал, но раз уж так сложилось... поедешь со мной в Ативерну, к сестре. Планов на твой счет у меня никаких нет, вырастить тебя – выращу, оружием владеть научу. Любить меня не прошу, уважать – если будет за что. Единственное, пока мы на Вирме – я требую беспрекословного послушания. Скажу идти – идешь. Скажу падать – падаешь. Не ради прихоти, просто Эльг опасен, а я тебя с собой круглые сутки таскать не смогу. Понял?

Торн кивнул.

Боги, как же мальчишка был похож на Ингрид. Копия, вплоть до упрямого движения подбородка. Не на отца, не на братьев – так вот сыграло.

– Эрквиги и Торсвеги давно враждовали.

– Я Ингрид люблю. И ребенок наш об этой вражде, Олайв даст, и не узнает никогда. Если ты ее дальше не понесешь.

– Ты отца убил.

– Убил, – не стал скрывать Лейф. – Сначала одного брата, он хотел мой корабль поджечь, я и не разобрался кого убивал. Потом отца – он в Ингрид стрелял. А второго брата я даже не помню. Бой был, свалка...

– Мне теперь мстить надо.

Лейф хмыкнул.

– Надо – будешь мстить. Только два условия.

– Какие?

– Подождешь до семнадцати лет. Вот признают тебя главой клана – там хоть улейся мстью. А пока потерпишь. Как

говорит одна моя знакомая, месть подают холодной.

– Почему так?

– Чтобы язык не обжечь, когда кушать будешь.

Судя по усмешке в глазах парня, смысл он понял. И был согласен.

– А второе условие?

– Мне – мсти. А Ингрид и дети – вне наших распрей, понял?

– По рукам, – кивнул мальчишка. И вдруг напрягся, словно закаменел. К костру подходил неспешным шагом Эльг Торсвег. Словно крался.

Вид делал.

Впечатление этот скользкий шаг производил, отдадим врагу должное, но подкрасться незамеченным? Это уж увольте. Лейф даже не сомневался, что Торсвега уже держат на прицеле не меньше, чем два лука.

И сидел, смотрел. Снял еще одну палочку с хлебом, разломил, протянул Торну.

Мальчишка сунул горячую корочку за щеку, обжегся, зашипел.

– Теперь понял про месть? – иронично поинтересовался Лейф.

– Понял.

– Вечеряете?

Слово Торсвег просто прошипел, словно гадюка. Лейф и не подумал переживать по этому поводу. Шипи на здоровье,

пока хвост не оторвали – по самые уши.

– Тебе чего надо, Торсвег?

– Твоей смерти, Эрквиг. Твоей смерти.

– Медленной и мучительной?

Эльг на миг растерялся, но потом ухмыльнулся. Злобно, по-волчьи, намеренно пугая.

– Не возражаю.

– Встань в очередь. Аккурат в шестой сотне будешь.

Торсвег скрипнул зубами, и обратил свое внимание на племянника.

– А ты, глистеныш...

– Еще одно слово в таком тоне – и будешь собирать выбитые зубы сломанными пальцами, – вежливо предупредил Лейф. И подумал, что графиня Иртон как-то разлагающе действует. Вроде бы и нет ее здесь, а вот... Слова проскакивают, выражения. И чем-то домашним повеяло. Словно в Тарале очутился.

– Думаешь, Гардрен тебя защитит?

– На Вирме? А ты к нему сходи, усомнись, – предложил Лейф. – Хочешь?

– Не всю жизнь вы на Вирме будете.

– Эльг, – перешел на простой и понятный разговор Лейф, – тебе чего надо? Поболтать пришел? Так мне неинтересно. Давай, двигайся отсюда, пока за тебя еще кому-то мстить не пришлось. А то ведь у меня рука тяжелая, один раз приложу, и будешь брату отвечать у Олайва в чертогах.

Или Холошу.

– Думаешь, тебе это все так просто с рук сойдет? Явился, Круг его признал, принц ему покровительствует, мальчишку под опеку взял... думаешь, я тебе это спущу?

Лейф даже не шевельнулся. Хотя уйти от удара был готов в любой момент, очень уж жгучая ненависть горела в глазах Торсвега.

– Я о тебе вообще не думаю.

– А стоило бы.

– Тебе же сошло с рук убийство его матери, – Лейф кивнул на Торна.

– А ты докажи.

– А мне и доказывать не придется... сам знаешь.

Торсвег зарычал от злости.

– погоди... попомнишь ты меня еще...

– Ты забыть-то вначале дай.

Торсвег плюнул со злости в костер, развернулся и ушел в темноту.

Торн посмотрел на Лейфа, как на самоубийцу.

– Он опасен.

– Да, я знаю.

– И он захочет отомстить.

– Боишься, что опередят? – поддел мальчишку Лейф.

И маневр сработал на все сто. Юный Торсвег прищурился.

– Чего там бояться... Эльг в шестой сотне?

– Ага. Секретарю сказать?

– Что сказать?

– Чтобы он тебя за Эльгом записал.

Торн засопел и сунул в рот хлеб. Лейф довольно улыбнулся.

Вот так.

Он отлично понимал, что Эльг Торсвег человек опасный, и собирался спать вполглаза, в кольчуге и в обнимку с оружием. Но за предупреждение – отдельная благодарность. Если что – убью не больно, одним ударом. А мальчишка хороший, правильный мальчишка. Глядишь – и получится из него глава клана Торсвег?

Поживем, посмотрим...

Никто не удивился бы, увидев этих двоих вместе. Беседуют почтенные и уважаемые люди, что такого?

Но о чем беседуют! Вот вопрос!

– ... обязательно было убивать эту ативернскую шлюху?

– Да.

– А ты уверен, что у нее ничего не осталось?

Мужчина замялся. Собеседник это заметил и нахмурился.

– Я все обыскал. Или она спрятала так, что не найти, или уничтожила. Одно из двух.

– Но ты не нашел?

– Нет.

– Тогда надо поторопиться. Ты сам понимаешь, чем это

пахнет, Бран, гадина скользкая, тянет Олава в короли.

– Не справится Гардрен, такое даже ему не под силу.

– А он Олава и не королем назовет. Придумает что-нибудь, а через пару поколений все привыкнут, что Хардринги главные.

– Это мы еще посмотрим...

Море слушает людей и морщится от отвращения. Вот ведь странные твари?

Казалось бы, недавно на сушу выползли, а ходить так и не научились. Все бы им ползать, подличать, пакостить, изворачиваться... так и порадуешься, что избавилось. Морю определенно не нравились собеседники.

Уэльстер, где-то в дороге.

– Мам, такого не бывает! Ты все придумала!

– Ну, не все.

– А что?

– Если я тебе расскажу, что именно – это будет интересно?

– Нет... – сникла Мири.

Лиля легонько растрепала ей челку.

– Обещаю, я тебе еще дорасскажу сказку. Дай время. Она длинная...

– Да и мне хотелось бы послушать, – улыбнулся Джерисон.

Менестрель ничего не сказал, но руки сложил в умоляющий жест и смотрел глазками недобитой собачки. И было отчего.

Лиля рассказывала «Хромого беса».

А что? Самая та книга и самое то время. Лессаж своего «беса» написал в 1707 году, а читать его было интересно и триста лет спустя. В библиотеке Скороленков он, кстати, был. То ли в библиотеке обменяли, то ли подарил кто – родители уж и забыли, но маленькая Аля книжку прочитала с громадным удовольствием. Правда, беса пришлось заменить на слугу Альдоная, который с первым лучом солнца должен попасть к своему господину, а до той поры показывает бедному лэйру чудеса на земле. Не было здесь бесов, как таковых, разве что шильду приплести, но это уж чревато.

Вот и старалась Лиля, адаптируя новеллы и истории человеческих жизней под реалии Ативерны. Но это было несложно.

– Очень интересные истории, – согласился граф Элонт. Присцилла улыбнулась мужу, а потом, подумав, и Лилиан. Она-таки получила от графини рецепт мороженого, уже опробовала его, и была вполне счастлива. Такое угощение!

Эрмина Ройвель прищурилась.

В силу своего природного ехидства, признать, что Лилиан Иртон ей симпатична, она не могла. Но и сплетен больше не распускала.

А у Лилиан было замечательное настроение вот уже третий день.

Лэйра Энтони Сиврала оставили в городке с красивым названием Аларон. Сидеть бедняга не мог, лежать только на

пузе – Нанук постарался от души. Если Джес что-то такое и подозревал, то держал свои сомнения при себе. Собака – умная, и плохого человека не покушает.

Про всех собак такого сказать нельзя, но про Нанука – точно можно. И умная, и воспитанная...

Так что будет лэйр лечить сломанную руку и покусанную попу. Выживет – хорошо. Нет? Тоже неплохо, не будет к чужим женам приставать по ночам. И теперь кортеж двигался в сторону Кардина.

Дней десять, может, пятнадцать, чуть больше, чуть меньше, и они окажутся на месте.

Потом еще дней двадцать разных праздников и обрядов, они забирают невесту – и в обратный путь. Интересно, как там строительство?

И как Лейф?

И...

Изобретатели телефона – вот кто достоин памятника в золоте. Может, даже с бриллиантовой отделкой. Голубиная почта – плохая замена сотовой связи, право слово. Но Лилиан в физике понимала чуть меньше, чем ничего, а потому телефона в Ативерне до-олго не появится.

Даже самого паршивого.

Даже телеграф Лилиан был не под силу, разве что самый простой, с лапами и азбука Морзе. Но электричество? Никогда!

Подобно героям известного анекдота, она совершенно не

могла понять, как это совместимо. Провод же гладкий, а волна – она такая... волнистая. И где это там помещается?

Нет, не понять...

Физика – это совершенно не ее. То ли дело химия, биология, особенно анатомия. Аппендикс либо есть, либо его нет. И третьего тут не дано.

Ртуть либо есть, либо нет.

А с кошками Шредингера девушка никогда разобраться не могла, и про себя считала бедолагу тайным вивисектором. Увы...

Солнце грело, но не обжигало, настроение было замечательным, и Лиля кокетливо поглядела на Джерисона.

– Наперегонки?

Господин граф согласился.

За время путешествия он лучше узнал свою супругу, чем за несколько лет «семейной жизни». То он в отъезде, то супруга в провинции, то он при дворе, то она занята... а лет в шестьдесят так сядешь друг напротив друга, поговоришь и ужаснешься.

Альдонай милосердный, на ком я женился-то? Вот ведь кошмар!

Определенно, король знал, что делал, когда отправлял их обоих в путешествие. Хоть пообщаются нормально.

Джерисон прищипорил коня, и понесся вслед за хохочущими амазонками. Лиля и Миранда смеялись, летя навстречу ветру. И так все было замечательно... как же хорошо – жить!

Глава 2

Встречи и речи

Уэльстер, замок графа Эрана Корвуса.

– День добрый, граф.

– Альтрес, рад вас видеть.

– И я вас, Корвус...

Поклоны, потом улыбки, даже дружеские... ну, почти дружеские объятия. И приглашение гостя в ту же залу с камином.

Все то же самое, те же ковры, тот же огонь, то же вино.

То, да не то. Потому что лицо графа Эрана... что-то сильно беспокоит старика.

Получив письмо от графа Эрана, Альтрес решил поехать. А что ему дома делать?

Убийца хоть чуток развеял скуку, но главного Альтрес так и не узнал. Кто послал?

Кто стоит за покушениями, хоть по дороге, хоть здесь... хотя Альтрес допускал многое. Стоять мог кто угодно, он за время своего «шутовства» столько мозолей отдал, не сосчитать.

А люди не знают об их договоренности с Гардом, люди думают, что отставка – настоящая, что немилость и ссылка

– навсегда. Ну ничего, вот он вернется, и будет всем весело и интересно.

Но что же так мнется господин граф?

– Корвус?

Эран мастерски вилял и ускользал от темы разговора минут двадцать, обсуждая то озимые, то урожай, то улов у рыбаков, а потом махнул рукой и решился.

– Альтрес, я не знаю, как лучше начать этот разговор.

– Как можете.

– В прошлый раз мы об этом уже заговаривали. О его величестве, о его женах...

– Да.

– До меня дошли слухи, которые меня действительно встревожили.

Альтрес сам обратился в слух. Такими словами старый граф не бросался никогда.

– Я даже не знаю, как лучше начать... третья жена его величества родила ему четверых дочерей. Марию, Джейн...

– Кати и Лиззи. Потом получила развод и уехала.

– Беременной. Пятым ребенком.

Альтрес замотал головой так, что едва вино из кубка не расплескал. Вот уж странная сплетня.

– Нет. Гард никогда бы не поступил так, будь она беременна, я сам лично к ней повитух приводил, четырех...

– Тем не менее. Беременной пятым ребенком, мальчиком, а потом ей удалось бежать, и она родила малыша. Так что

есть у Гардвейга законный старший сын.

– Невозможно.

Корвус вздохнул.

– А откуда сплетня?

Альтрес задумался. И был вынужден признать очевидное.

– Я таких не слышал.

– Тем не менее. Я сам не придумываю. Есть даже баллада о несчастной королеве Алли, которую предали, но сын обязательно отомстит за мать.

– Да не была она беременна... – Альтрес махнул рукой, а потом насторожился. Имя... царапнуло. Сильно царапнуло. – Алли? Именно так, королева Алли?

– Да. Что-то не так, Альтрес?

Это верно. Не так.

– Полное ее имя было Альбита, Гард звал ее Бетти, а она сердилась, просила называть ее Алли. Об этом мало кто знал.

– Я уж точно знать не мог.

Альтрес вздохнул, зарылся пальцами в волосы.

– Это не может быть ребенок Гардвейга.

Корвус пожал плечами.

– Это младенца можно различить доношенного или недоношенного. А мальчишку? Пусть ему десять лет, а ему скажут – десять с половиной? Он может быть крупнее или мельче, а уж подделать записи в храмовных книгах, и вообще – делать нечего.

Альтрес скрипнул зубами. Спорить с этими постулатами

было сложно.

– Да. Это возможно. Но я же сам...

– Лично видел тело? – прищурился Корвус. – Скажи честно, видел?

– Н-нет... – выдавил Альтрес. Не до того ему было, поручил своим людям, а уж кто там, как там... убили – и ладно.

– Она сейчас где похоронена? – продолжал червяком в яблоко въедаться в мятущуюся душу шута голос графа.

– Да неважно. Монастырь я знаю, но что там по телу пойдешь? За столько-то лет там все черты поменялись, тело истлело, – отмахнулся Альтрес. – Корвус, откуда вы это услышали?

– Я не стал задерживать парня. Он клялся, что перенял балладу у другого менестреля, так что я дал ему пару монет и отпустил с миром. А еще он говорит, что Гардвейг в глаза народа – чудовище. Которое не имеет сердца, которое убивает женщин, как хозяин замка из детской сказки, которого даже Альдонай лишил своего благословения. Понимаешь, куда ветер дует?

Альтрес кивнул.

Ну да. Собака лает, ветер носит. Но такие слухи стараются не распускать, его величество отродясь голубиной кротостью не страдал. За такое и повесить могут, на просушку. С другой стороны...

– О Гардвейге никогда не говорили хорошо.

– Но в последний месяц эти слухи полыхнули и поперли,

словно грибы после дождя. Кто-то их щедро подкармливает, Альтрес, очень щедро.

Шут в задумчивости привычно достал один из метательных ножей, повертел между пальцами. Потом покусал кожаную оплетку на рукояти.

– Именно в последний месяц?

– Мы говорили с тобой не так давно, ты помнишь?

– Да.

– Я намекал на то, что ходят слухи, но понимаешь, раньше они были как огоньки. А сейчас полыхнуло, раздулось, словно лесной пожар, пал и по верхушкам деревьев пошел... мне страшно. Я не трус, Альтрес, но это.. это как в горах, над пропастью. Страх не разума, а души. Я чувствую не то, и можешь звать меня старым дураком, но мне страшно...

– Вот уж что мне в голову не придет, – махнул рукой Альтрес. – Эран, вы никогда не были паникером и трусом. А перестраховаться иногда разумнее, чем понадеяться, что кривая вывезет.

– Спасибо, Альтрес. И все же я повторяюсь – мне страшно. Знаешь, как будто над ухом струна гудит. А порвется... и так хлестнет, костей не соберем.

Альтрес задумался.

Было, было нечто, что его еще царапнуло.

– Корвус, это ведь не все? Признавайтесь?

Граф отвел глаза в сторону.

– Альтрес, я слово дал...

– Я тоже могу дать слово. Поклясться, что дорогой вам человек не пострадает.

Граф долго молчал, смотрел на огонь в камине... Альтрес не торопил. Служба такая – знать, кого и когда пинать. А не всех подряд с ретивой дури.

Если человек решил рассказать, он все равно расскажет. Чуть раньше, чуть позже, значения не имеет, зато у него останется иллюзия выбора.

Не ты его ногами запинал, сам он все рассказать решил.

Так что Лорт молчал, и только когда Эран шевельнулся, готовясь что-то сказать, веско уронил:

– Обещаю. Полное королевское помилование.

Таковыми вещами в Уэльстере не шутили. А Альтрес был одним из тех немногих, кто мог и пообещать, и сдержать слово. И Корвус решил.

– Один... достаточно близкий мне человек в свое время подался в наемники. И написал мне. Чтобы я всех убирал из столицы, чтобы сам не приезжал в ближайшее время.

– Даже так?

– Да, Альтрес. Именно так. А зная, что я потребую причину, и простыми уговорами меня не убедишь, он намекнул, что в столице ожидается... нечто. Серьезное и крайне неприятное для оказавшихся рядом.

Альтрес хмыкнул.

– И все? Ни имен, ни чего-то... более интересного? Корвус!

Граф Эран покачал головой.

– Упоминается хозяин, хозяйка, но и только. Ни имен, ни титулов. Альтрес, клянусь.

Лорт поверил.

– Кого мне помиловать, если что?

Корвус вздохнул, потом решился.

– Мой бастард. Эргес Ран. Он хороший мальчик, Корвус, неглупый, добрый, но это судьба наемника. Ты воюешь за тех, кто тебе платит, и спрыгнуть с бешено летящего коня уже не удастся.

Альтрес кивнул.

– Корвус, мое слово. Если Эргес Ран выживет во всей этой свистопляске, я дам ему помилование.

– Спасибо, Альтрес.

– Пока еще не за что, Корвус...

– Думаю, все еще впереди. Что ты хочешь сделать сейчас? Теперь настала пора Альтреса помолчать и подумать.

А чего он, в самом деле, хочет? Чего?

Сорваться с места и поехать к Гардвейгу?

Остаться и ждать, чем все закончится?

Предпринять что-то еще?

Альдоной его знает!

– Дишан должен доложить его величеству о ситуации в стране, – наконец разродился Альтрес. – Гардвейг не дурак, определенные меры он примет. Да и сплетни эти ему не понравятся.

– Доложен – или доложит?

– Должен доложить.

– Рискуя нарваться на гнев его величества? Ты знаешь его лучше, Альтрес, он настолько храбр и смел? Я не трусливый человек, но Льва Уэльстера побаиваюсь даже я.

Настала пора задуматься и Альтресу Лорту. Дишан все же побаивается Гардвейга, его все побаиваются. У Альтреса были определенные преференции, он все же молочный брат короля, они столько с ним прошли, а вот у Дишана никаких гарантий нет. Только изменчивая королевская воля.

Ну и зачем ему вызывать гнев Гардвейга?

Лучше промолчать, подождать, понадеяться, что стрела мимо просвистит... это логично. И – страшно.

Если Эран прав и меч уже занесен, то рядом должен оказаться и щит. А щита-то и нет...

– Должен, но станет ли он рисковать? Я не могу ответить точно. Эран, вы хотите сказать, что мы имеем дело с предательством и заговором?

Даже думать об этом было неприятно. Если на то пошло, за месяц ничего подобного не подготовишь, а значит, Альтрес Лорт самым идиотским образом прохлопал заговор ушами. Его служба прохлопала, под его чутким руководством.

Может, и правда в отставку пора?

С другой стороны, есть заговоры, которые практически невозможно распознать. Просто потому, что там все замкну-

то на одного человека. Оно вроде пока и внутри, вот и не разберешь, что там, в котле варится, пока крышку не поднимешь. Нет, не разберешься просто так. Вон, у соседей тоже гадюшник был, сколько лет они ушами хлопали? От непрофессионализма?

Нет. Просто доверились не тем, забыв простую истину.

Предают только те, кому ты доверяешь. У остальных нет такой возможности.

Вслух Альтрес ничего такого не сказал, да и не надо было, граф Эран все понял по его лицу и развел руками.

– Альтрес, я стар, я свою жизнь прожил. И могу сказать, что к каждому, к самому надежному, верному, порядочному человеку можно подобрать свой ключик.

С этим Альтрес был согласен. Но не до конца. С оговоркой.

– Мне-то о таких «ключиках» знать положено. По долгу службы.

Корвус налил себе вина и сделал щедрый глоток.

– Не знаю, Альт. Я просто ничего не знаю, и это страшит меня больше всего. Слухи ходят, и это нехорошие слухи. К таким стоит прислушиваться, если не хочешь потерять свою жизнь, или своих близких.

Альтрес тоже сделал глоток вина. Оно горчило. Или это мысли такие – горькие?

– Кажется, мне надо в столицу...

– Мне тоже так кажется, Альтрес. Поверь моему слову –

надо.

– Тогда я домой, а потом...

Корвус покачал головой.

– У тебя есть там нечто ценное?

– Нет.

– Тогда садись, пиши распоряжение. Твое поместье я сберегу, и управляющим разгон дам, а ты сегодня поспишь спокойно, а завтра поедешь. Несколько солдат, кони, деньги – немного. Я спокойно предоставлю их в твое распоряжение. Потом вернешь, как доберешься до столицы. Кстати, мой человек и письмо передаст сыну, с приказом помочь тебе, или хотя бы не лезть в эту свистопляску. Бежать, прятаться, беречь себя....

– Кодекс наемников?

Корвус Эран скривился.

Да, кодекс – такая штука. Исполнялся он не всеми и не всегда, но тут как повезет, кто повезет и куда...

Может пронести, можешь попасть так, что тебя даже сортир в трактире охранять не наймут. Репутацию подпортишь запросто. Или прославишься как трус, предатель, подлец, ненадежный человек... нужно подчеркнуть, недостающее вписать самим. Всякое бывает, и Эргес Ран сильно рисковал, выдавая отцу планы нанимателя, пусть даже в самой иносказательной форме. Но – отец.

Видимо, бастард искренне любил своих родных, а те любили его.

– Плевать на кодекс, место для сына у меня всегда найдется.

Альтрес покосился на графа, и конечно, не удержался.

– Корвус, я понимаю, что это не мое дело...

– Но все равно спросишь. Альт, я тогда был молод. Жена ждала первенца, ну и я... загулял. Родила жена, потом родила и Мари... она и сейчас красавица. Мельничиха... Сына я признал. Жена бесилась, злилась, но я ее переупрямил. Не могу сказать, что мальчишке было сладко, но образование я ему дал, справу сделать помог... Если он вернется, в поместье для него всегда найдется уголок.

Лорт кивнул.

У него бастардов не было, но кто знает, что Альдоной решит. У него и законных-то детей не было... пустоцвет. Сухостой.

Гард хоть детей наделал...

Ладно!

Альдоной, ты меня слышишь? Зарок даю!

Если все это хорошо закончится, обязательно женюсь! Еще и детей наделаю... три штуки, на меньше. Слышишь?

Альдоной не слышал. А вот граф Эран уже позвал дворецкого и распорядился. Четверо солдат, кони, провизия в дорогу, даже деньги... нет-нет, Альтрес, не до того сейчас. Если это все пустяк, придурь старика, ну и плюньте. А если нет... да я себя прокляну за те неодоленные вовремя медяки.

Живы будем – сочтемся.

– Расписку я вам на все напишу, – согласился Альтрес. – Но... Корвус, а вам это зачем?

Граф задумчиво отпил глоток вина из кубка.

– Странный вопрос, Альтрес. Я живу в Уэльстере, здесь живут мои дети, внуки... как ты думаешь – пойдет им на пользу смута? Смена династии, власти, даже бунт? Я написал дочери, она уедет из столицы, она обещала. Но... я не могу быть спокойным за детей. А хочется. Часто говорят – не твоя забота, куда ты лезешь, зачем... а ведь страна-то моя. И заботы мои, и дела... только тогда веник не переломишь, когда он в связке. Когда все вместе и как один. Глупо звучит, наверное, ты не обращай внимания на старческие бредни. Мало ли кто и какие глупости говорит.

Альтрес покачал головой.

– Это вовсе не глупости. Думали бы все так, как вы, у меня бы и проблем не было. Благодарю вас, Корвус.

– Не благодари. Просто размотай клубок и найди эту гадину.

– Я даже ее удавлю этими нитками, Корвус, – пообещал граф Лорт. – Расскажите, что вам еще известно?

– Провинция много чего знает, – усмехнулся старый граф. – Что ж, слушай...

Долго засиживаться он все же не стал. А с утра Альтрес Лорт в сопровождении четырех солдат выехал обратно, в Кардин. Авось брат не повесит за самоуправство?

А, и пусть!

Пусть даже вешает, лишь бы жил, лишь бы это была ложная тревога, лишь бы мимо просвистело. Но что-то свербело внутри у Альтреса, что-то шептало, что так просто – не обойдется.

Неужели он поддался на уговоры Корвуса?

Или это интуиция травленного и битого зверя? Ладно! В столице разберемся!

Вирма, земли клана Хардринг.

Убийство там, не убийство, а жизнь идет своим чередом. Мертвым – мертвое, живым – живое.

Ти́ра сидела и правила лезвие меча. Пробовала ногтем, потом волоском...

Так и нашел ее Ричард.

– Госпожа Эллейга?

Вирманка оглянулась и вскочила. Но меч не выпустила, плох тот воин, у которого оружие по камням звенит.

– Ваше высочество?

– Милорд, – Ричард не чинясь, присел рядом на камень. –

Наедине – просто милорд. Или – Ричард.

Все он понимал, но не смог устоять перед искушением услышать свое имя из этих розовых губ. Какая же она... красивая. Серебряная роза Вирмы, иначе и не скажешь.

– Милорд Ричард?

Ти́ра понимала, что надо уйти. Понимала, что не стоит

длить агонию. Понимала, что ничего общего у них с принцем Ативерны никогда не будет, да и быть не может. Но и отказаться от Ричарда не могла. От его серых глаз рядом, от внимательного серьезного взгляда, от...

А ведь она не такая красавица, как Анжелина. Та вся ухоженная, изящная, элегантная. А у нее веснушки на носу. И шрамы на руках. И ногти обгрызены. И...

Да много чего! Даже волосы соленые все!

Тира почувствовала себя уродиной, но впасть в отчаяние не успела – Ричард улыбнулся. И она тут же забыла обо всем. Какой же он красивый, когда улыбается...

– Госпожа Эллейга, расскажите мне о вчерашнем вечере?

– Тира, милорд Ричард, – шепнула девушка в ответ. – Можно просто – Тира.

– Тира...

Голубые глаза встретились с серыми – и время остановилось. Две некогда разделенные половинки одной души нашли друг друга. Они были вместе, они были счастливы...

Метнулась, крикнула чайка, и молодые люди пришли в себя.

– Простите, – первым собрался Ричард. – Тира, расскажите мне про вчерашний вечер?

Тира вздохнула.

Смысл просьбы она понимала, но кто сказал, что ей это нравилось. А рассказывать придется.

– Ваша сестра, милорд, пригласила меня на праздник.

– Но вы не пошли.

– Нет, не пошла, – покачала головой Тира. – Я не могу, милорд. Я просто не могу. Завтра у меня испытание на статус кирии, и я буду кружиться в танце, словно обыкновенная девушка? Мне надо просить покровительства Олайва, но не Флейны.

Ричард кивнул.

А еще ты бедна. И смотреть на разряженных девушек тебе просто неудобно. Ах, как бы ты была ослепительна в бальном зале, во дворце, в Лавери...

– Мне даже рассказать нечего, – вздохнула Тира. – Я просто сидела, смотрела в огонь, а потом, когда закричали, бросилась на улицу.

– Тира, а на улице никого не было?

Девушка задумалась.

– Кажется, стояли неподалеку несколько человек.

Ричард хмыкнул.

– Стояли? Просто стояли?

Тира покачала головой.

– Они тоже пошли на крик.

И дом остался без охраны. Без людей. Заходи, кто хочешь, делай, что пожелаешь...

– Понятно. Благодарю вас, Тира...

Все было сказано, но уходить не хотелось. Вообще не хотелось.

Ричард подумал секунду и нашел новую тему для разго-

вора.

– Тира, а как проходит посвящение в воины на Вирме? Вы сможете мне рассказать... конечно, что можно знать посторонним?

– Да, милорд...

За этим разговором наблюдала другая пара.

Анжелина и Бран Гардрен.

– Хорошо, что пока идет сезон штормов, – вздохнула Анжелина. – Мы не можем уехать с острова, но так же не уедет с него и убийца.

– Я просто не понимаю, зачем было убивать эту соплюшку, миледи, – Бран чуть тяжелее, чем обычно, опирался на палку, и заметив это, Анжелина кивнула в сторону берега. Там лежала поваленная лодка.

– Я хочу посидеть и поглядеть на море, Бран. Вы составите мне компанию?

– Для вас – любой каприз, миледи Анжелина.

Фрейлины предусмотрительно держались подальше от принцессы. Разговаривает она?

Вот и пусть разговаривает, а то ведь так получить можно – не порадуешься. Принцесса кротостью характера не отличалась никогда.

Анжелина присела на лодку, расправила юбки, дождалась, пока Бран, опираясь на трость, не опустится рядом... как же

несправедлива судьба!

Такой ум – и такая подлость жизни! Или наоборот – равновесие?

Если бы Бран был полностью физически здоров, он бы давно стал королем Вирмы. И Анжелина не решалась признаться себе, но... как бы это было замечательно! За короля она могла бы выйти замуж.

А за главу клана – нет. Отец никогда не позволит.

– Мы остановились на Алии Рейнст.

– Да, миледи Анжелина.

– Бран, скажите, могли ее убить потому, что она... не была девушкой?

Бран покачал головой.

– Не уверен. У нас не придается такого значения невинности невесты, миледи. Даже если девушка выходит замуж в тягости, или с ребенком – это не страшно. Значит, плодovита.

– А если девушка погуляла с несколькими парнями?

– У законного мужа есть способы отучить ее гулять, – пожал плечами Бран. – В зависимости от ситуации, либо он разберется с неверной женой, либо с мужчинами, которые посмели посягнуть на его собственность.

Анжелина не стала уточнять, как именно. И так все ясно.

Либо оторвать голову жене – либо вызвать на дуэль ее ухажеров.

– На ней бы все равно женились?

– Может, не из правящих кланов, но кто-то нашелся бы.

– А если она погуляла с женатым мужчиной...

Бран поглядел на принцессу, как на дуру. Какая разница, это ведь мужчина? Даже если и погулял, так что? При том, что у каждого вирманина есть жена, что в доме есть еще рабыни и служанки, и жены смотрят на это сквозь пальцы. На Вирме большой перевес в сторону женщин, слишком уж опасный противник – море.

– ... и угрожала рассказать обо всем его жене?

Бран медленно опустил на лодку и покачал головой.

– Нет, ваше высочество, в этом нет никакого смысла. Жена просто не приняла бы эти рассказы близко к сердцу. Любая на Вирме.

– А отец жены?

– То же самое, ваше высочество. Главное, чтобы дело не доходило до развода или публичной огласки, да если и дойдет... всякое бывает. Находятся способы все разрешить мирно, уж поверьте.

Анжелина разочарованно вздохнула. Вот так всегда... а такая хорошая версия пропала!

– А могла она что-то узнать, или увидеть, или кто-то попросил ее об услуге...

Бран развел руками.

– Пока неясно. Но если у нее были с кем-то отношения... были?

– Да.

– Я узнаю. А узнаю кто – узнаю и почему.

На миг Анжелине показалась такой глупой вся ее затея со следствием. Просто по-детски смешной и нелепой.

Ведь и правда – Бран сам все узнает. И разберется.

Но – а вдруг и ее версии чем-то помогут? Как у барона Холмса? У того был верный товарищ, который предполагал многое неправильно, но тем самым помогал барону. Вот и Анжелина так же может помочь.

Вечером Анжелина лежала у себя в кровати.

Смотрела на тяжелые дубовые балки, которые перекрещивались над ее головой, думала. Об Алии, в том числе.

В ее комнате что-то искали. Что?

В рассказах о бароне Холмсе искали письмо, улику или деньги. Ну, или драгоценности.

Вот, она – Алия Рейнст. Анжелина мысленно поставила себя на место девушки.

Вирма – ее единственный шанс получше устроиться в жизни, получить законную семью, детей... будет она рисковать, связываясь с женатым мужчиной?

Нет. Не будет. Один раз ее уже обманули, второго она не допустит. Коли уж она так нелицеприятно высказывалась о мужчинах, то доверять им не будет. И рисковать не станет.

Могла она отдаться мужчине до свадьбы, чтобы привязать его к себе покрепче?

В принципе – могла. Потом можно сказать о беременности... в каком случае за это могли мстить? Допустим, у парня уже есть невеста. Любимая, например. Алия стала его шантажировать, ну и свернул парень ей шею... нет, не вяжется. Это было бы в порыве страсти, а здесь все обдуманно.

Или нет?

Или, к примеру, у невесты был брат? Который не хотел разрыва помолвки?

Нет-нет, стоит учитывать, что это – Вирма. Иные традиции, обычаи, нравы...

Бран сказал, что никто не стал бы поднимать шума, никто не стал бы переживать, разве что по местному обычаю мужчины бы выяснили это между собой. Да и Алия душой не была.

Если уж Анжелина поняла, что удерживать местных мужчин ребенком просто бессмысленно... ну, признали бы ребенка. И все.

Если бы мужчина не хотел жениться, он и не женился бы. Хоть ты на березу влезь. Содержание получить Алия еще могла, но ее это не устраивало. Ей нужно было положение законной супруги...

Или – деньги.

Была ли Алия довольна своим положением?

Анжелина серьезно задумалась.

Вот ведь... как Лилиан это называла? Барство?

Оно и есть. Привыкаешь, что не ты для людей, а они для

тебя, и внимание на их чувства, мысли и переживания обращаешь, только если они серьезно нарушают твои планы. А если нет...

Ну и пусть их.

А ведь Алия не считала Вирму лучшим вариантом для себя. Честолюбия у девушки хватало с лихвой, с избытком... подумала ж она, что на ней женится наследник герцога... Честолюбие, рисковость, но отвратительные способности к математике. Иначе она бы не ставила все на одну карту, а имела в запасе хоть какого небогатого лэйра, который женился бы на ней и прикрыл грех. Так, к примеру.

Нет, этого не случилось.

То есть брачные планы отменяем? Ну... если исключить глав кланов, то да. Отменяем. А главы кланов у нас все женаты, холостяки просто не выбираются на эту должность. Считаются неполноценными, пока хоть одного сына человеком не воспитали. Могла Алия надеяться на развод с женой или скорую смерть супруги? Да нет, вряд ли. Если сыновья?

Но и тут, кстати, все не так однозначно. Допустим, у кого-то сын и наследник погулял с Алией, она решила, что теперь на ней женятся, а главе клана позарез надо было заключить союз с кем-то другим. И что? Стали бы убивать девчонку?

Да нет. Просто предложили бы ей кого-то из родственников. Признали бы сына от рабыни, к примеру, выдали б за него Алию, и получили двойное удовольствие. Она бы тоже

не стала шум поднимать, Ативерне нужны союзы, а не конфликты.

И вообще, если так рассуждать... допустим вся проблема в личных делах. Зачем тогда обыск?

Потому что неведомый вирманин написал Алии торжественное обещание жениться? С большой королевской печатью?

Ага, уже смешно.

Что-то с его одежды? Что она могла взять на память?

Да и тут медяк свидетельству цена. Сказать, что потерял, украли, забыл, где оставил – и даже не переживать по этому поводу. Поди, докажи, что не воровка.

Нет, если обыск... значит хотели найти что-то важное. Вот, в шантаж Анжелины верила. А в любовь...

Не получалось, никак не получалось.

Ладно, тогда допустим, что у Алии Рейнст был какой-то компромат. Нечто такое... что могло бы при обнародовании сильно смутить некоего человека. Вирманина, потому что из посторонних здесь она со свитой и Ричард со свитой. Что это может быть такое?

Оружие, письмо, украшение?

Нет, с этой стороны ничего не ясно. А вот где Алиа могла спрятать эту вещь?

У нее всех вещей – пара сундуков, она живет в одной комнате с подругой, здесь постоянно слуги, рабыни, здесь Вирма. Чужие люди, чужое место.

Что бы сделала сама Анжелина?

Да спрятала там, где не стали бы искать. Либо вне дома, либо отдала бы на хранение эту вещь.

М-да... надо узнать, кто именно был любовником Алии, иначе дальше никуда не продвинешься.

Глаза Анжелины закрылись. Она спала и видела чудесные сны. Увы – неосуществимые.

Тира сидела на берегу, смотрела на море и думала.

По черным волнам тянулась лунная дорожка, звезды отражались в воде, словно кто-то высыпал горсть бриллиантов на черный бархат, ветер приносил с моря запах воды, солью оседал на губах...

Да, она вот такая. И кожа у нее обветрена, и губы обкусаны, и...

Разве Он когда-нибудь посмотрит на нее, как на женщину? Это даже не смешно.

Рядом колыхнулась темная тень.

– Думаешь о посвящении?

Тира покраснела так, что стало заметно даже ночью.

– Д-да, госпожа.

Кирия Эдайна улыбнулась, погладила девушку по волосам очень материнским жестом. Она не стала уточнять, что ее просил об этом разговоре Бран Гардрен.

Чего уж там, глава клана отлично видел взаимный инте-

рес Тиры и Ричарда, и собирался воспользоваться им к своей выгоде. И выгоде Вирмы, конечно. Традиция предлагать гостю девушек началась не Вирмой, и не Вирмой она в веках закончится.

– Значит, о мужчине.

Тира покраснела еще сильнее, хотя куда бы уж еще краснеть?

– Я...

– Ты боишься, что после посвящения он не обратит на тебя внимания? Не надо... ты красавица, не то, что я.

Это верно, кирию Эдайну в темноте можно было перепутать со средних размеров медведицей. И плащ из собственноручно добытой медвежьей шкуры только утверждал это сходство.

– Я ему просто безразлична.

– Вот уж не верю, – махнула рукой кирия. – Быть такого не может.

– Вы просто его не знаете, госпожа. А у них там все иначе...

– Ативернец?

Ответом был судорожный кивок. А что делать? О таком и с мамой не посоветуешься. Просто потому, что мама сразу же начнет давать ценные советы и причитать. Скажет, что раз так, не надо и думать о воинском посвящении, а вместо этого надо родить от любимого мужчины, пока Флейна милостива.

Тира представила себе рассыпающийся от старости Эл-

лейг, покачала головой...

Нет, она не хотела бы растить так своего ребенка. Ее сын или дочь заслуживают лучшего.

Уж умолчим о том, что Ричард – принц, а его первенец будет иметь преимущество... Тира не задумывалась, что в остальных странах немного не такой уклад, как на Вирме. И в любом случае, разве нужна она Ричарду – вот такая?

Другое дело, если...

Тира представила себя – в кольчуге, с мечом и щитом, в шлеме, из-под которого бежит на грудь длинная коса, вот, она сходит на пристань в Лавери, столице Ативерны, вот улыбается Ричарду... а рядом с ним стоит другая. Хрупкая, воздушная и неземная, с золотыми локонами и очаровательной улыбкой.

Такая же, как ее высочество.

А она, Тира, сжимает свой меч, и понимает, что это – и ее мужчина, и ее спутник. И другого у нее не будет.

– Ты говорила ему о своих чувствах?

– Нет, госпожа.

– Почему?

Тира вздохнула.

– Я хотела просить милости Олайва, не Флейны...

– Так и сделай. Только учти, все боги – рядом. Олайв хоть и примет тебя под свое покровительство, но Флейна все же рядом, не стоит об этом забывать.

– И что мне с этим делать, госпожа? – Тира уже откровен-

но дерзила.

– Пройти посвящение.

– И все?

– А после посвящения будет устроен пир, как обычно. Если ты признаешься этому мужчине в своей любви и попросишь милости Флейны, будет правильно.

Ти́ра вздохнула, потерла кончик носа от переживаний забывая о вежливости.

– А если затяжелею?

– Значит, Флейна благословила. У меня своих трое, ты думаешь, ветром нанесло?

Ти́ра так не думала, но не подумают ли плохо о ней? Ричард – о ее корыстности, вирмане о том, что бабы есть бабы, мечом опоясать не успели, а она уже принялась по сеновалам шастать?

Вслух она этого не высказала, но ки́рия Эдайна догадалась примерно о половине ее мыслей, им покачала головой.

– Даже не бери в голову. Ребенок – благословение богов, а если от хорошего мужчины, то вдвойне. От любимого, сильного, неглупого... да, мне и гадать не надо. Будь он другим, ты б его не полюбила. И учти – если ребенок от любви рождается, он тебе вдвое дороже будет.

С берега ки́рия Эдайна возвращалась вся вымотанная.

Сложно с этими влюбленными девчонками, ох как сложно! То им не так, это не этак... а уж сомнений, мнительности и дурачности на роту солдат хватит. Но что могла она сделать.

Ободрила, поддержала, про богов сказала, про любовь тоже. Бран ей будет должен.

Определенно.

Уэльстер, Кардин.

– Ваше высочество, – склонился Мигель перед принцессой Анной.

Малявка побагровела, но сумела ответить на поклон.

Гардвейг наблюдал за этим представлением с улыбкой.

Да, тяжела ты, судьба королевская. И не просто так жеманятся монархи. Вот, Эдоард породнился с Авестером, теперь родниться можно будет только через три поколения. А до той поры – ни с Авестером, ни с Даркомом – туда тоже выдали замуж авестерскую принцессу.

А Гардвейгу нельзя родниться с Эльваной, его бабка была оттуда родом. Из эльванской королевской семьи.

Получить разрешение у альдона?

Это-то как раз несложно, Петерс запоет ровно то, что ему скажут. Не желая повторения судьбы предыдущего альдона и получив пару увесистых уроков от Гардвейга лично, он будет делать, что ему говорят. Но можно обмануть альдона, но не Альдоная.

У близкой родни дети рождаются больными, слабыми, хилыми... вот, в этом поколении он породнится с Ативерной и Иверней. И еще три поколения им не стоит родниться между собой.

А где брать невест-женихов?

Король может жениться на ком пожелает. А вот принцессы... Эдоард – Дишан доложил – отослал одну из своих девочек на Вирму. Может, и неплохое решение. Свою, что ли, туда послать? Или обеих младших, как подрастут?

Надо обдумать этот вопрос.

Мигель тем временем закружил Анну в танце. Милия коснулась руки супруга.

– Думаешь...?

Гардвейг чуть повел глазами.

Думал. Очень серьезно думал.

– Выдадим старшую замуж, там и посмотрим.

– Говорят, посольство уже днях в пяти-шести пути.

Ответом Гардвейгу была улыбка и поглаживание живота.

– Интересно, дохожу ли я? Или рожу нашего малыша раньше?

Его величество расплылся в улыбке.

Сын. Еще один сын.

Его бессмертие.

Уэльстер, Дорсан.

Город Дорсан не понравился Лиле с первой минуты. Кажется, неприязнь была взаимной. Почему?

А, черт его знает.

Бывает так – приезжаешь в город, и он созвучен тебе до последнего камня мостовой, тебе уютно в нем, хорошо, при-

вычно, тебе нравится разглядывать силуэты домов, ты бы гуляла и гуляла, наслаждаясь каждой секундой вашей совместной жизни и каждой жилочкой ощущая ритм жизни именно этого города.

У каждого города свой особенный ритм.

Где-то хочется спать, где-то танцевать...

А бывает и иначе.

Приезжаешь ты в город – и что угодно готова сделать, лишь бы удрать. Сразу же. И подальше, подальше, и век бы его не видеть. Вы словно отторгаете друг друга. Просто – фу.

Вот с Дорсаном у Лилиан получалось именно так. Они друг другу сразу не понравились. Город надменно и свысока взирал на графиню. Графиня в ответ презрительно морщила нос, и даже Лидарх не ступал по мостовой, а словно бы пинал ногами камни. Вколачивал их поглубже.

А нечего тут выпячиваться! Подковой вас! И нагадить сверху!

Почему так? Это вопрос к психоаналитику.

Джерисон уверенно указывал, куда сворачивать, знал, где надо остановиться... и постоялый двор оказался действительно замечательным. Большим, уютным, на редкость чистым. Никаких паломников, клопов, тараканов и соломы на полу. Чисто выскобленные доски, уютные комнаты, свежие матрасы...

Что ж. Томас отдохнет. Ему тоже тяжело – поди, обслужи такую прорву людей, да за всеми поухаживай, да чтобы все

довольны остались. С ума сойдешь.

Гости пожаловали, когда вся компания приканчивала роскошный ужин.

Даже Лиля оценила.

Мясо было в меру прожарено, вода чистой и холодной, хлеб свежим, только что из печи, а когда Лиля попросила свежие овощи, она их тут же получила. Красота?

Не то слово.

Они с Мирандой как раз грызли морковку, когда к их столу пожаловала целая делегация.

Нет. Не целая. Всего один человек, но с большой свитой. Лиля пригляделась.

Да, так оно и есть. Вот он, стоит чуть впереди, этакий лысоватый толстячок лет тридцати, с добрым круглым лицом, на вид – душа компании, шутник и балагур, кутила и весельчак. А остальные и одеты победнее, и подобострастно поглядывают на него.

Лэйры из небогатых. Лиля знала от Ганца, так тоже делается. Дворяне из небогатых иногда идут... это не приживалы, а как бы свита. Они следуют за своим господином, сопровождают ему в приключениях, он дает им пищу и кров, подбрасывает денег и вытаскивает из неприятностей, но вассальной клятвы они не дают. Определенная степень свободы сохраняется.

Связка вассал-сюзерен достаточно четко регламентирована, у обоих свои права и свои обязанности, а вот в таком

случае у людей есть определенный люфт. Господин может отказаться защищать своего слугу, слуга может подставить господина – всякое бывало. Лиле такое не нравилось, но это свободный выбор каждого.

Кто-то служит, кто-то прислуживает.

– Джерисон, друг мой!

Толстячок раскинул руки, словно собираясь обнять графа Иртона, но потом одумался и прижал их к сердцу. Мол, я счастлив, я так счастлив, едва сдерживаюсь, чтобы не лопнуть от счастья.

Впрочем, Джес тоже заулыбался, словно ему леденец на палочке дали.

– Эрвин! Да, в Дорсане нет от тебя тайн!

– Ты хотел проехать через наш город, – прозвучало это как «мой город», – даже не поздоровавшись со мной? Джерисон, я не прощу тебе такого коварства!

Джес покачал головой.

– К сожалению, в этот раз я себе не хозяин. Сначала я должен позаботиться о своих людях, а потом уж отправляться к друзьям.

– Это важный государственный секрет?

Эрвин широко улыбался, а Лиле хотелось его пнуть. Ничего личного, просто как-то сразу этот человек ей не понравился. Слишком уж он веселый, открытый и обаятельный. Слишком.

И... да, имеют место быть противоречия.

Рубаха-парень? Душа компании?

Э, нет.

Ее стержень.

Почувствуйте разницу – душа понятие эфемерное, ее так сразу и не найдешь. А этот товарищ вполне жесткий, и его люди поглядывают на него, ожидая распоряжений. Будь ты хоть каким обаятельным, одними улыбками ничего подобного не добьешься.

Содержание не соответствует обертке, как говаривал Алин папа. А уж Владимир Васильевич в этом разбирался, не один гарнизон прошел.

А Джес ничего подобного не чувствовал или не видел, улыбался, словно лучшего друга встретил.

– Эрвин, прошу к нам за стол. Дамы и господа, это Эрвин, барон Фремонт, а это мои спутники. Знакомься...

Представлял Джерисон всех по кругу, и начал с Лилиан. Глаза барона надо было видеть.

– Твоя жена? Друг мой, ты счастливец! Такая женщина!

Лиля мило улыбалась, ничем не показывая своей тревоги. Представленная второй Миранда фыркнула и задрала нос. Положенные слова сказала, но с таким видом, что Лиле захотелось дернуть ее за косичку. Ребенок, ну имей же совесть! Мало ли кто и кому не нравится!

Нельзя сразу на этих людей Лялю натравливать, собака существо нежное, она и отравиться может!

– Дочь – копия тебя, друг мой. Должен сказать, она совер-

шенно не похоже на свою очаровательную мать.

Лиля не стала вдаваться в подробности. Миранда тоже.

Достались комплименты всем. И Ройвелям, и Элонтам...

Свита, кстати, все это время простояла у дверей. Стоит только сравнить с вирманами.

Лиля понимала, что тот же Эрик мгновенно свистнул бы трактирщика, заказал стол для своих ребят, усадил их, а потом уж пошел разговаривать. И попробуй хоть кто-то скривить нос... тут же его на сторону и своротил бы. Моряки? Пираты? Это его люди, остальное неважно. А барон считал, что о своих людях заботиться не обязательно. Или что и так сойдет.

Нет Лиле такой расклад не нравился. Только вот они с Мирандой были единственными, кого это не устраивало, остальным все нравилось.

А барон уже приглашал всех завтра на прием, настаивал, что один-то день можно и отдохнуть, почти умолял... и Джерисон не стал отказывать.

Лиля скрипнула зубами и положила себе подробнее расспросить супруга. Этой же ночью.

Первую часть ночи ей было решительно не до вопросов. А вот потом, когда они с мужем лежали в обнимку, Лиля и решилась. Как известно, вопросы мужчинам задают – когда? Когда они сыты, чисты и после постельки. Это и в русских

народных сказках указано. Накорми, напои, баньку истопи, в постель уложи, а там и поговорим.

Лиля решила последовать народной мудрости, и не прогадала. Джерисон не стал запираяться.

– Барон? А что, неплохой малый.

– Он здесь... мэр города?

– Нет.

– Эммм... нет никого более знатного?

Джерисон задумался.

– Есть...

– А почему тогда – вот так?

– Эрвин – он очень общительный, гостеприимный, хлебосольный, человек, который жить не может без друзей...

– У него их мало?

– Город маленький, все друг другу уже примелькались, а тут новые люди, новые лица. Прошлый раз он прием на три дня закатил...

– А почему он? А не мэр города?

Джерисон пожал плечами.

– Да просто так. А что такого удивительного?

Для Лили это было вполне себе удивительно. Допустим, вы живете себе, тут через вашу деревню или ваш городок проезжает мимоходом посольство... выгоды ты с него не получишь априори, это не купец и не торговля. Казалось бы – проехало и ладно?

Ан нет, господин барон устраивает праздник. Да так и

каждый раз... зачем?

Если всех мимоезжих поить, никакого вина и денег не хватит. Только вот Джерисону так не скажешь. Лиля принялась расспрашивать о другом.

– Наверное, у барона богатые земли, раз он себе может такое позволить?

Недоуменный взгляд.

– Наверное, да...

– А он не говорил? Или он торговлей занимается?

Джерисон был решительно не в курсе. Ну и как с ним, с таким, быть? Да просто осторожно расспрашивать дальше, а на приеме еще и приглядывать. Раз уж муж.

С Мирандой Лиля даже говорить на эту тему не стала. Не стала бы.

Миранда заговорила сама.

И почему родители думают, что у их детей нет мозгов, симпатий, антипатий, своего мнения? Или – как воспитывали, так и получается? И со всем этим можно не считаться?

Поверьте, когда оно есть – считаться рано или поздно приходится. Воспринимаете своего ребенка как чурку с глазами – чуркой он и будет.

Даете ему права, обязанности, совещательный голос? Поверьте, вы не пожалеете. Может быть, результат вам и не слишком понравится, но всегда лучше, когда ребенок сам

принимает свои решения, сам за них отвечает, сам расхлебывает последствия. Пока он – ребенок, вы всегда сможете ему помочь, это взрослому иногда ничем не поможешь, а детские беды главное не запускать.

Миранда же сначала не воспитывалась вообще, а потом попала в руки к Лиле. Но Лиля просто не знала, как правильно воспитывают детей! Никогда не знала!

Теория Владимира Васильевича была проста: «сначала утоми, а потом дрессируй». Так Лиля и действовала. А что учила, объясняла, советовалась, ничего удивительного. Так и родители с ней поступали.

Вот и действовала она, как привыкла. А когда спохватилась, что в этом мире девочек так не воспитывают... и что? Теперь Буратино обратно до полена обтесывать, что ли? А не выйдет, это уже личность, уже индивидуальность, она уже почувствовала вкус свободы и тяжесть ответственности. Переиграть не получится. А если попробуешь – получишь врага в своем же доме. Жестокого и безжалостного. Рано или поздно тебе все припомнят.

Если птица всегда живет в клетке, это не страшно. Но посади в клетку вольную птаху?

Умрет ведь...

Миранда стала именно такой, вольной птицей. И знала, что мама Лиля всегда серьезно воспримет ее слова. Вот и пришла.

– Мам, мне не нравится этот... Эдвин.

Имя прозвучало, как плевок.

– Мне тоже, солнышко, – вздохнула Лиля. – Мне тоже...

– А папе он нравится, они даже смеются вместе...

Лиля почесала кончик носа.

– Мири, тут сложная ситуация. Не нравится – это не доказательство.

– А что – доказательство?

И кто Лилиан за язык дернул?

– Письма, документы, договора, обязательства, расписки... одним словом – компромат.

– Компромат? Это... написано?

– Это что-то такое, что может плохо отразиться на репутации барона. К примеру, ты узнаешь, что он двоеженец. Это компромат. Или что он мухлюет в кости. Это тоже компромат.

Миранда серьезно кивнула.

А где могут храниться письма она и сама знала. В кабинете. Край – в спальне.

– Я поняла, мам. Меня ведь тоже пригласили на этот прием?

– Всех нас пригласили. Мири, я надеюсь, ты не станешь тыкать в барона Фремонта ножом?

– А он не станет меня похищать?

– Если станет – я его сама ножом потыкаю.

Мири улыбнулась. И мама, и дочка отлично помнили барона Донтера. Клива. И как он нашел свой конец – тоже пом-

нили. А не трогай мою семью...

На прием Лиля собиралась тщательно.

Это к друзьям можно одеться небрежно, они тебя любой примут, а вот ради врагов надо расстараться, чтобы не ударить в грязь лицом. И Лиля решительно выбрала себе наряд из тщательно сберегаемых в сундуках. Это вам не юбка-брюки и не пончо, этим нарядом и королева не побрезговала бы.

Платье из шелка цвета морской волны, в стиле ампир. Расширенный лиф, лента под грудью, короткие рукава. Сверху полупрозрачное болеро из белого кружева с зеленой нитью. Волосы уложены в сложную прическу, в ушах серьги с изумрудами, на шее – один камень, но какой! Размером два на два с половиной сантиметра, прямоугольной формы, глубокий, цвета морской волны, в оправе из червонного золота – такой камень не нуждается в дополнениях и роскошных оправках, он сам по себе стоит дороже иного поместья. На Лиле он смотрелся именно так, как надо. Лежал в вырезе, подчеркивая белоснежную кожу.

Джерисон оценил старания супруги поцелуем в шею.

– Графиня, вы поражаете воображение.

Лиля ответила супругу ленивой улыбкой.

Джерисон, в темно-синем, почти черном наряде, выглядел не менее роскошно. Этаким самец черной пантеры. Ленивый, грациозный, потрясающе пластичный и сексуальный.

Отличная пара.

Миранда была в белом, отделанном зелеными лентами. По возрасту, ей не положено украшений.

Ляля? Нанук?

Миранда хотела было закатить истерику, требуя взять собак с собой, но Лиля покачала головой.

– Солнышко, привыкай. Не всегда получается так, как ты хочешь.

Мири кивнула.

Не всегда, увы...

Ничего, будет еще и на собачьей улице праздник. Вопрос только – за чей счет.

Эдвин, барон Фремонт, встречал гостей лично, в дверях.

– Джерисон, друг мой. О, простите, ваше сиятельство...

Джес рассмеялся и махнул рукой, разрешая вольное обращение. Барон повернулся к Лилиан...

– Ваше сиятельство... вы – воистину королева.

Аля за такие взгляды могла и в нос двинуть. Графиня Иртон улыбнулась и медленно склонила голову. Блеснули изумруды в золотых волосах.

Барон судорожно сглотнул, что осталось незамеченным Джерисоном, и обратил свое внимание на Миранду.

– Юная госпожа, дозволено ли мне будет предложить вам компанию сверстников?

Миранда, подражая матери, чуть склонила голову.

– Я буду вам признательна, distinguished Фремонт.

– Джерисон, – барон подозвал лакея и приказал проводить юную госпожу к остальным детям, – сегодня вам будут завидовать все мужчины нашего города. Очаровательная жена и разумница дочь – что еще может сделать мужчину столь счастливым?

Джерисон раздулся, словно голубь. Лиля подавила желание пнуть его по ноге – все равно туфельки мягкие, только ногу отшибешь бестолку. И заулыбалась барону.

– Вы так любезны, distinguished Фремонт.

– Умоляю вас, ваше сиятельство – Эдвин.

– Хорошо, Эдвин. Если мой супруг позволяет...

Джерисон позволял.

Лиля со злостью подумала, что надо бы распечатать книгу про Василису Микулишну и лупить ей супруга по голове до просветления. Известно, чем кончились похвастишки некоего Ставра – супруге пришлось его выручать. И кому это понравится?

Лично Джерисон не хвастал, это его оправдывало. Но гордился ведь. А это ничем не лучше, что там, что здесь – сплошные проблемы в перспективе.

Или у нее просто паранойя разыгралась?

Лиля не знала. Но кажется, придется это проверить на личном опыте. Надо только быть осторожнее... хорошо, что платье такое удобное. Под ним не то, что кинжал – поросен-

ка спрятать можно.

Что такое прием?

Зависит от места и времени.

К примеру, можно устроить пир, тогда оборудуется пиршественная зала, а все остальное – по остаточному принципу. Зала для игр, беседка, танцы... после пира как-то плохо танцевать. На полный желудок.

Можно пригласить гостей по конкретному поводу – рождение, смерть, именование... тогда основное время отводится на церемонию, потом легкое угощение, а потом развлечения.

А можно и как сейчас – уделить основное время гостям, и развлечениям, а вот угощение скромно позабыть. Кстати – экономия.

Так и поступил барон Фремонт.

В одной зале – фуршет, там отдыхают почтенные горожане. Им замечательно думается и беседуется под кубок хорошего вина. Впрочем, напитков-закусок не так много, хватит, чтобы перекусить, но не чтобы наесться. Тем более – напиться и начать буяннить.

Во второй – карточные и прочие игры. Для желающих.

В третьей – оранжерея, где так удобно прогуливаться.

В четвертой – танцевальная зала. Громадная комната ярко освещена свечами, там кружатся в танце очаровательные

девушки и сверкают ярче бриллиантов их глаза и улыбки.

Это с одной стороны.

А с другой...

Лиля смотрела, и видела многое. И несколько ночных ваз за ширмами – должны же благородные дамы и господа где-то облегчаться в процессе бала.

И весьма своеобразные запахи от господ и дам.

И простите за подробность – вшу, которая привольно себя чувствовала на напудренной прическе.

И то, как какой-то господин притиснул к стене лакея, а потом и утащил его за собой в альков. Фактически – для забав, о которых не рассказывают детям.

Во дворце, впрочем, было не лучше.

Но хватит обращать внимание на всякие гадости? Остальные в восторге, что еще нужно? Джерисон раскланивается с людьми, с которыми познакомился в прошлый свой приезд в город, что-то говорит, о чем-то спрашивает...

Миранду отправили к детям.

У барона детей не было, но Эдвин Фремонт предусмотрел и это. Милый, почти семейный вечер, для детей отведена своя комната, там дежурят слуги, там есть все необходимое – еда, игрушки...

Лиля все равно волновалась за Миранду, но старалась «держать лицо». Улыбалась, отвечала на комплименты, и намертво приклеилась к супругу.

Тренировка.

Будем считать, что это именно она.

В Ативерне почву для ее появления подготовили, и во многом постарался его величество. Лилиан Иртон была интересна, необычна, полезна короне, и никто не смел поднять на нее свой облезлый хвост. Добавим еще супруга – все же графа Иртон, королевского племянника, и свекровь, которую по праву звали «гадюкой». Кто откроет рот – тот и ноги протянет.

А вот здесь и сейчас...

Кто она такая?

Да никто. Просто супруга графа Иртон, просто женщина, и просто мать. И проверяют ее на прочность, как и любого человека, оказавшегося в незнакомом обществе.

Ну и на здоровье.

Лиля мило улыбалась, старалась запомнить имена и предчувствовала, что голова у нее к концу вечера разболится – хоть отрывай.

А надо улыбаться, надо быть милой, надо....

Вот за это Лиля и не любила вечеринки.

Миранда зверски скучала.

Распрозверски, как сказала бы мама.

Все дети были значительно старше нее, все были отлично знакомы, и Миранду особенно не воспринимали.

Ну что такое эта малявка?

Сегодня она здесь, завтра уедет, планов на нее никаких не построишь, интересного ничего не добьешься, от ее родителей тоже пользы никакой – лучше уж воспользоваться предоставленным случаем и пообщаться между собой.

Так дети и поступили, не особо обращая внимания на гостью. Ну и пусть, гостя не возражала. Мири несколько минут посидела в углу, а потом...

Мама сказала, что компромат будет в кабинете?

Вот там она его и найдет. А что такого? Барон Холмс мог по чужим домам ходить с обысками и лезть к господину Милвертону, а ей нельзя? Почему? Миранда считала, что если она найдет компромат, то окупит все свои шалости. Так что – вперед.

Осталось разобраться, как можно удрать из комнаты, не привлекая внимания слуг, но с этим Мири справилась очень легко.

Кинжал – самая полезная вещь для девочки, так и мама говорит. Надо, не привлекая внимания, подойти к одной из тяжелых штор и отрезать от нее шнур. Конечно, нехорошо так поступать, но веревка нужна. Очень.

А потом заползти под стол.

Детям накрыли «сладкий стол», то есть сладости, пирожные, пироги, соки... и стоял он не точно по центру, а ближе к краю. Мири улучшила момент, когда на нее никто не смотрел – и нырнула под стол.

Ага, подойдет.

Нет, не связывать между собой ноги, это даже не смешно. Вы что – не почувствуете, как к вашему телу кто-то прикасается? Наверняка ощутите, и посмотрите, что там.

Мири поступила проще.

Пышные юбки – это замечательно. Вот к юбкам можно прикасаться безбоязненно.

Быстро сделать кинжалом дыру в одной юбке, продеть шнур, в другой, тоже продеть шнур – и связать его концы между собой. И прочь из-под стола.

Быстрее, пока не обнаружили. И к двери.

Мири посмотрела, снаружи нет ни слуг, ни служанок, только те, кто здесь... ну и отлично!

Занимаем позицию рядом с дверью, ждем...

Вовремя!

Кто из связанных девушек попробовал встать – Мири так и не поняла. Но подол натянулся, девушка решила, что зацепилась за что-то, потянула, тонкая материя затрещала, вторая «связанная» поняла, что ее платье тянут, взвизгнула, вскочила, то есть попыталась, и закономерно опрокинулась. Шнур-то был толстенький, плетеный. А вот юбка из тонкой ткани, которая уже пострадала от кинжала Миранды, а теперь еще и расползалась по прорехе.

В одной юбке образовалась дыра, вторая девушка опрокинулась на спину, потянула за собой скатерть со стола, посыпались тарелки, загремела посуда, кинулись на вырубку господам слуги...

Миранда пожала плечами и независимо выскользнула в коридор.

Это – тоже от мамы.

Что за глупость – бежать во весь опор? Сразу ясно, что ты или убегаешь, или в чем-то виноват или... внимание ты к себе точно привлечешь. Иди спокойно, поглядывай по сторонам с любопытством, и станешь самой обыденной деталью пейзажа.

Мири так и поступила. И никто ее не остановил.

Хотя Ляли рядом решительно не хватало. Ну ничего, она и сама справится.

Мири нырнула за портьеру, пережидая слуг, а потом еще раз огляделась.

Ну и где у барона может быть кабинет?

В жилой части дома, наверное. Надо поискать.

Профессионалы, мать их.

Нет – профессионалки. Во всех смыслах.

Только это и смогла подумать Лиля, когда разноцветный хоровод как-то ловко увлек ее за собой, а потом, продолжая щебетать, потащил в другую сторону Джерисона. И ведь не вцепишься, не закричишь – верните мужа!

– Графиня, вы едете в столицу?

– Ах, неужели в сам Кардин?

– Только подумать, и его величество...

– Графиня, а правда, что его величество похож на льва?

Его ведь и называют Львом Уэльстера?

– Графиня, а вы были представлены ко двору?

– Графиня, а на кого похож ваш король?

Ответы от Лилиан, как таковые, не предусматривались.

Женщину просто закружил этот вихрь щебета, треска, писка и цветов. Так, наверное, цыганки уводят свои жертвы...

Черт возьми!!!

Аля, именно Аля, от неожиданности даже шарахнулась.

А ведь и верно – цыганский гипноз.

Так они и действуют. Оглушают, ошеломляют, и поди, вывернись!

Но как поступить?

Вариантов борьбы два. Первый – дать в нос самой наглой цыганке. Второй, проще, обложить их матом и уйти. Ни тот, ни второй не прокатывают в данное время и в данном месте.

Третий...

Ее сиятельство графиня Лилиан Иртон пошатнулась – и на глазах у всех потеряла сознание. Едва поймать успели, а то треснулась бы ее сиятельство копчиком об пол, а это больно. И платье бы испачкалось.

Правда, разглядев из-под ресниц, кто ее отловил, Лиля чуть не взвыла со злости.

Эдвин, мать его, Фремонт!

Ну и ладно! Ты, любезнейший, медведя поймал? Так не жалуйся, что мишка тебя не отпускает.

Джерисон тоже не терял времени даром. Не дали потерять.

– Ваше сиятельство, я так надеялась на эту встречу!

Виона!

Мальдоная ее заешь, Виона!

Джерисон не просто так проводил время в маленьких городках. Да, у него была официальная любовница, но когда и кому это мешало получать удовольствие на стороне? Тем более, что Виона была как раз в его вкусе.

Огненно-рыжая, с роскошным бюстом, тонкой талией и такой попкой... уммм...

А еще она отлично знала, что надо делать в постели. И не только в постели, а еще на столе, на подоконнике, на...

Воспоминания были настолько приятными, что Джерисон невольно облизнулся. И дама тут же увлекла его за собой в один из альковов, даже не дав оглянуться на супругу. Да и какая там супруга, когда такая женщина зовет? Как любой мужчина, Джерисон просто не мог остаться равнодушным к глубокому вырезу женщины, к соскам, которые самыми краешками виднелись над вырезом...

Альков оказался сквозным, Виона прошла его, словно иголка – тонкую ткань и вышла с другой стороны. И потянула Джерисона за собой, в один из коридоров.

– Джес! Я скучала!

Джерисон невольно улыбнулся. Да, он такой, он производит неизгладимое впечатление на женщин.

– Я так обрадовалась, когда узнала, что ты приезжаешь, я попросила Эдвина, и он не отказал мне в приглашении... Джес, ты ведь придешь ко мне сегодня ночью?

Говоря все это, Виона продолжала тянуть графа за собой.

– Куда мы идем?

– Я тебя похищаю. Злонамеренно.

– Виона?

– Да-да, мы уже пришли.

Виона толкнула дверь и почти силой втянула графа в одну из комнат.

Спальня?

Определенно. Кровать под балдахинном...

Розового цвета.

Может, Джерисон и не очнулся бы, но этот цвет словно хлестнул по его глазам.

Розовая корова.

Лилиан...

Давно уже и не розовая, и не корова, но именно так он говорил о своей супруге Вионе. И что ж удивляться, что так получилось? Конечно, Виона бросилась на него, не подумав о Лилиан.

Граф мягко отстранил любовницу.

– Нет, Виона. Не надо усугублять наше положение.

На лице женщины отразилось искреннее, прямо-таки дет-

ское потрясение.

– Как?

– Я здесь с женой и дочерью.

И Мири. Озорной взгляд, растрепанные косички, громадная серая собака рядом.

Папочка, не умирай...

Виона расслабилась. А, ну если с женой, то все ясно.

– Пусть не на всю ночь. Но хотя бы на пару часов? Умоляю вас, Джерисон!

Джес решительно покачал головой.

– Нет, Виона. У меня есть жена.

– Эта... эта...

Виона глотнула воздух, словно рыбка. А и то верно – назвать Лилиан «розовой короной» – себя на посмешище выставить. Какая ж она королева, и тем более розовая? Потрясающе красивая женщина, в дорогом платье и украшениях, у нее одна кофта, или как она это назвала – болеро дороже стоит, чем все платье Вионы. И мы еще помалкиваем про то, что Лилиан Иртон – графиня, а Виона – жена самого обычного лэйра.

– Да, Виона. И я не намерен ей изменять...

Виона вздохнула.

– Джес... тогда умоляю... я все понимаю, но... подари мне на прощание хотя бы один поцелуй?

Джерисон и не обратил внимание на то, что в коридоре послышались шаги. И Виона повисла у него на шее, буквально-

но впечатывая ярко накрашенные губы в его рот.

Раздавшийся сзади скрип двери заставил Джеса обернуться, и...

Нет, ну ситуация...

В дверях стояла его супруга, и гневно щурила зеленые глаза. Рядом с ней стоял барон Фремонт с самым укоризненным выражением на лице.

Виона поправляла невесть когда стянутый на талию вырез, но получалось плохо, мешала слишком пышная грудь, которая так и выпирала, словно тесто из квашни.

И что оставалось сказать благородному графу в такой ситуации?

Только одно.

– Лили, дорогая, ты все неправильно поняла. Я сейчас все объясню...

Глава 3.

Это – любовь

Миранда шла по коридору.

Дом у барона был большой, поэтому девочка просто заблудилась. А тут...

– ... мы идем?

Голос отца Мири узнала бы из сотни других голосов. И заметалась.

Ага, ей сказали сидеть тихо на одном месте, а она где? Явно не с остальными детьми.

Мама ее, конечно, защитит, но если папа один, или с друзьями... девочка заметалась. Толкнула одну дверь, вторую, не получилось, потом толкнула третью, ввалилась в спальню с розовым балдахином над кроватью, и недолго думая, нырнула на кровать. Прятаться под одеяло.

А вдруг папа пройдет мимо?

Не прошел.

Когда эта крашенная кошка начала вешаться на папу, Миранда собралась вылезти и восстановить справедливость. Но не успела. Дверь открылась.

На пороге стояла весьма злая мама.

Миранда посмотрела на маму, на папу, и решила подо-

ждать какое-то время. Попа целее будет, точно.

Лилиан честь по чести оттащили в альков и уложили на диван. А вот когда шаловливые ручонки потянулись к лифту платья, женщина села на диване.

– Барон, хватит ломать комедию. Вы же поняли, что я не в обмороке.

Эдвин блудливо улыбнулся, сильно напоминая мартовского кота.

– Понял, Лилиан.

– А раз поняли, придержите руки, – фыркнула женщина.

– Или?

Хм-м...

– Или я стану первой женщиной, которую на вас стошнит.

Барон открыл рот с удивительно глупым видом.

– Ва... Лилиан?

– Начнем с того, что я не давала вам права называть меня по имени.

– Ну так дайте, – барона явно забавляла ситуация.

Вот ведь беда светской жизни – можно все, но тихо. А если поднимется шум... мозг Лилиан работал, как компьютер, просчитывая самые разные варианты.

Она закричит и поднимет шум.

Смеяться будут не над бароном, а над ней. А Джерисону придется отстаивать ее честь... нет, не ко времени.

Она просто уйдет. Ага, если отпустят, а при малейшем шуме – смотри вариант первый.

Как уйти без шума?

Прирезать, что ли, его по-быстрому?

Такими навыками Лиля не обладала – увы. Вот Лешка прекрасно владел ножом, а вот она так и не научилась. Метнуть – одно, прирезать по-тихому – совсем другое.

А что еще можно? Оглушить?

Ага, это ура-феминизм, когда хрупкая женщина выводит из строя сильного мужчину одним ударом. А на деле... тут либо тренироваться с детства, либо четко знать куда бить, либо... лох это, а не мужчина. У нас отпадают все три варианта, разве что опять – на шумишь и опозоришься.

И что остается?

Лиля привычно выбрала третий вариант.

– А больше вам ничего не дать?

Барон не стушевался.

– А вы не против?

Лиля подумала пару секунд. Показательно вздохнула.

– Барон, а вам не кажется, что такие интимные вопросы надо обсуждать не здесь, а в более уединенном месте? Вы бы еще на городской площади любовью занялись...

В глазах барона появился искренний интерес. Проникся идеей?

– Хм-м...

– Поверьте, не стоит.

– Почему?

– А вас советами замучают, – отрезала Лиля.

Барон от души расхохотался. Да, этого анекдота здесь не знали.

– Ваше сиятельство... Лилиан, позвольте пригласить вас... прогуляться?

Лиля приняла протянутую руку.

– Барон, а вы никогда не слышали, как кавалеры на время оставляют дам?

– И как же, Лилиан?

Вот и вторая дверца. Эти каморки что – все сквозные? И где черти носят дражайшего супруга?

– Дорогая, я вынужден отойти, помочь близкому другу. Но чуть позже я надеюсь вас с ним познакомить.

Дошло на четвертом шаге. И рука Лилиан оказалась свободной. Барон был занят – он хохотал.

Барон вел Лилиан вполне уверенно. Точно, не просто так. А Лиля ждала момента.

Ну и дорогу назад запоминала, не в окно же вылезать? Она бы не затруднилась, но не в этом балахоне, и не с прической. Наверняка за что-то да цепанешь подолом. А появиться в бальном зале с видом «растрепанная кошмаристая» – что может быть лучше для репутации?

Мигом придумают и чего было, и чего не было.

Так что ждем момента.

Лиля пообещала себе, если ее приведут в спальню, связать барона (можно под видом любовных игр)... кстати! А ведь богатая идея!

Сам разденется, сам ляжет, сам на все согласится... и ведь получит непревзойденные сексуальные ощущения! Обязательно! Она ему такую каму с утра и сутру с вечера продемонстрирует во всех позах, что ни в стихах не разъяснить, ни в прозах.

Лиля покосилась на барона с таким плотоядным предвкушением, что Эдвин вдруг засомневался в правильности своего поступка.

Но поворачивать было поздно. Скрипнула дверь спальни, и глазами Лилиан предстала шикарная картина.

Ее супруга внаглую заваливала на кровать рыжая девка, на которой пробы было негде ставить, а Джерисон не так, чтобы особо и сопротивлялся.

– Что здесь происходит?

От следующей фразы у Лилиан прошел весь гнев.

– Лили, дорогая, ты все неправильно поняла. Я сейчас все объясню...

Неясно, чего и кто ожидал. Но уж точно не звонкого женского хохота.

Лиля почти повисла на бароне (ближе всего оказался бе-

долага Эдвин), и хохотала так, что слезы потекли.

– Ой, не могу! Объяснюууу...

Мужчины переглянулись с выражением полного непонимания на лицах. Что тут происходит, хотелось бы знать? Почему – хохот? Истерика? Нет, не похоже...

– Мама!

Миранда поняла, что буря миновала – а чего ж не миновать, раз смеются, вылезла из кровати, и помчалась к родителям.

Лиля мгновенно успокоилась, утерла слезы и подхватила Миранду на руки.

– Деть, ну ты и слоник!

– Неправда, я хорошая!

– Но слоник.

– Мама!

– Ты мне объясни, почему ты здесь?

Мири потупилась.

– Ну я... это... – и уже на ушко. – Компромат искала.

Лиля едва не рассмеялась второй раз. А знаете, как хотелось, при взгляде на три ошеломленных лица?

– Джерисон, мы идем домой, или вы тут задержитесь, с дамой?

Джес кашлянул.

Гроза явно пронеслась мимо, но – как?

Лиля перевела взгляд на барона. Откровенно насмешливый.

– Барон, а вы тут не теряйтесь, вы же видите, дама на все готова, поэтому раз уж наш междусобойчик не состоится, попользуйтесь дамой... то есть случаем.

– Гхм? – напомнил о себе Джерисон.

– Да-да, – покивала Лиля. – я обещала барону непревзойденные эротические переживания. Я вам потом расскажу, дорогой супруг.

Джес подавился воздухом.

Судя по искрам в зеленых глазах, не факт, что барон пережил бы эти переживания. Так что...

– Эдвин, вы правда, не стесняйтесь.

Барон стоял багровый от стыда.

– И краску с дамы сотрите, – подсказала Лиля, передавая дочурку супругу. – А то поцелуете, да еще отравитесь ненароком.

Виона стояла молча. Понимала, что это самое лучшее из возможных поступков. Хорошо бы еще под кровать спрятаться, но – поздно.

– Приятного вечера, Эдвин.

Семейство графов Иртон удалилось в полном составе, помахав интриганам ручкой на прощание.

Отношения начали выяснять уже в карете.

– Миранда Кэтрин Иртон, будьте любезны объяснить, как вы оказались в той спальне?

– Мам, – мелкая нахалка поняла, что уши ей сегодня не надерут, и скорчила рожицу «ты у меня умная, ты все поймешь» – Мне барон сразу не понравился. И я решила поискать у него в кабинете компромат. Пошла и заблудилась.

– А тут папа...

– Они с тетей разговаривали, и я услышала. Спряталась... кто же знал, что тетя папу туда потащит?

– Думаю, барон Фремонт знал, – начал соображать Джерисон.

– Вот.

– Расскажешь, о чем папа говорил с тетей? – попросила Лиля.

Миранда послушно пересказала услышанное.

Лиля благодарно коснулась руки мужа.

– Спасибо, Джерисон.

– За что?

– Многие на твоём месте согласились бы... на более развернутое прощание. А ты справился.

Джерисон вздохнул.

– Мы еще об этом поговорим.

– Безусловно.

– А ты как там оказалась?

– Меня привел барон. Ты же понял, что нас разъединили нарочно?

Джес кивнул. Да, теперь-то понял.

– Когда я тоже это поняла, притворилась, что потеряла

сознание. Барон вызвался вынести меня на свежий воздух...
в альков.

Джес скрипнул зубами.

– Дальше все было делом техники. Его надо было увести от людей, чтобы никто не слышал, и разобратся по-тихому.

– И что вы с ним сделали бы? – прищурился Джес.

В свою жену он верил. Но барон... Джерисон знал его, как отличного бойца. Лиля никогда бы с ним не справилась.

Тогда – как?

Лиля вздохнула.

– Мири, заткни уши.

Миранда скорчила рожицу.

– Мам...

– Я тебе потом расскажу, когда повзрослеешь. Обещаю. В пятнадцать лет. А пока заткни уши, если не хочешь, чтобы я тебе их надрала за побег.

Миранда надула губы, но спорить не стала. Мама никогда не обманывает, сказала – расскажет, значит расскажет. Потерпим немного.

Джес поднял брови.

– И что такого не должна слышать наша дочь?

Лиля потупилась.

– План был достаточно рискованный. Согласиться на все, раздеть барона, и разыграв пресыщенную жизнью даму, привязать его к кровати. Для... эээ...

Джерисон почувствовал, что и сам краснеет.

– Для понимания ситуации, – пришел он на помощь жене.

– Ага. Сунуть ему кляп и уйти. А окно оставить откры-

тым.

– Зачем?

Окно-то при чем?

– Чтоб его комары сожрали, – буркнула Лиля. – Я ему обещала незабываемые эротические ощущения? Вот, а обещания надо выполнять!

Джерисон помолчал минуту. Представил себе картину.

И начал хохотать так, что лошади шарахнулись.

И ведь могло бы получиться! Силу убеждения этой шиль-дочки он знал, в определенных обстоятельствах Лиля могла и Альдоная на клизму уговорить. Повелся бы барон, куда б не делся...

Комары...

И голый Эдвин Фремонт, привязанный к кровати.

Оххххх!

Выяснять дальше отношения супруги не стали. А зачем?

И так все ясно.

Было? Было. Забыли? Уже забыли. Все равно эта девка, как там ее, Джерисону на пути не встретится, а встретится, так близко не подойдет. Неясно было другое – зачем их всех свели в одну спальню?

– Если бы барон хотел секса, то спальни были бы разные, –

задумалась Лиля. – Мири, а почему ты спряталась именно там?

– А там было открыто, – пожалла плечами девочка.

– А другие комнаты?

– Я не пробовала. Но кажется, было закрыто.

– Да перепутал теперь кто-нибудь, – отмахнулся Джерисон. – Или Виона, или Эдвин...

– Куда любовников вести?

Джерисон смутился, но прояснить ситуацию стоило.

– Лилиан, просто у Эдвина эти несколько спален – именно на такой случай.

Лиля сверкнула глазами, но потом смягчилась. Ладно уж...

– Допустим, мог перепутать. Даже скорее всего. И совпасть могло. Сказал он этой рыжей дуре – отвлеку Джерисона, она и отвлекла. А зачем, почему – кто ж ей объяснять будет?

– Да никто, – пожал плечами Джес.

Лиля успокаиваться не желала.

Они уже уложили Миранду, уже успели поговорить про неудобство кроватей на постоянных дворах – ни одного столбика и спинка сплошная...

Лиля смотрела в потолок и размышляла вслух.

– Допустим, я бы застала вас с этой шваброй в компрометирующей ситуации. Что бы было?

– Скандал, – пожал плечами Джес. – Наверное.

– Но посольство все равно бы не остановилось?

– Нет. Мне пришлось бы передать полномочия тому же Ройвелю, к примеру, но ехать в Кардин мы были бы обязаны в любом случае.

– Ага... то есть это ни на что не влияет. В плане политики. А что на личном фронте?

Джес пожал плечами.

– А что там не так?

– Не знаю. Ты у барона любовницу не уводил? Рога не наставлял?

– Вроде нет.

– А Ричард?

– Тоже...

– Тогда с чего он мог так взъесться?

Джес покачал головой. Иногда супруга себя просто потрясающе недооценивала.

Он видел перед собой женщину с роскошным телом, с шикарными волосами, умную и красивую. А она даже не верила, что кто-то ей может заинтересоваться. Как женщиной, не как человеком.

И это – его вина. Сам постарался.

– Лили, милая, просто ты произвела неизгладимое впечатление на барона.

– Настолько?

– Да, именно что настолько.

Лиля покачала головой.

– Не уверена, что мне приятно.

Джерисону тоже было... неприятно. Как-то не по себе, что ли? А ведь думал, что не ревнив.

– Джес?

– Да, любовь моя?

Откликнулся – и только потом понял, что именно сказал.

– Не бросай меня больше – в такой ситуации. Хорошо?

– Обещаю, – от всей души поклялся граф Иртон.

Не бросит.

А с Эдвином мы еще поговорим. Завтра же.

– И постарайся не вызвать этого негодяя на дуэль?

Джес едва не подавился воздухом.

– Ты мои мысли читаешь?

– Не-а. Просто я бы ту стерву крашеную убила бы.

Джерисон отлично знал, что Виона не крашеная, а вовсе даже натуральная рыжая. Но говорить об этом не стал. Ни к чему.

– Ревнуешь?

Лиля перекатилась поудобнее, поставив ему локти на грудь.

– Да. И учти – я не только жена, я еще твой врач. Если что – сама отравлю, долго мучить не стану.

Получилось очень убедительно. Но на угрозы благородный граф отродясь реагировал только одним способом. И перекатился обратно, подминая женщину под себя.

– Ах, отравишь...

Джес захватил оба запястья Лилиан одной ладонью и поднял их над головой. А то ходи потом с расцарапанным носом.

– Джессссс!!!

– Шипи-шипипи, змейка моя ядовитая...

– Джес...

Джерисон уснул, а Лиля лежала, смотрела потолок и размышляла. За окном сияли вишенками крупные звезды.

Итак.

Странная какая-то ситуация. Ладно, с Мирандой никто ничего не мог предусмотреть. Но остальное?

Подсылать к мужу любовницу, и вести Лилию туда, где он веселится с этой рыжей девкой?

Лилия невольно согнула пальцы когтями. Да, повезло Джесу, что Мири свидетельствовала в его пользу. С этого дня, дорогой супруг, ты попал.

Есть один замечательный рецепт против супружеских измен. Стопроцентно действенный. В любые века и при любых нравах. И упаси Альдонай, никаких скандалов, ссор, ревности и прочих трат времени и сил.

Надо выматывать мужчину в постели так, чтобы на других женщин у него сил уже не оставалось. Вот так Лиля со своим супругом и поступит. Нечего тут по другим бабам бегать, самой мало!

Да, ситуация идиотская.

Но... это с ее точки зрения. А будь она тем, кем ее представлял Джес? Истеричной безмозглой идиоткой? Что было бы в результате?

А вот то самое.

Она бы обиделась. Устроила истерику, раскричалась, возможно закатила бы безобразный скандал, может, убежала... побежал бы Джес за ней?

За той Лилиан?

Нет.

И тут на сцену выходит барон-утешитель.

А что может быть опаснее ядерной боеголовки? Только обиженная женщина. Опасна, коварна, особо цинична и непредсказуема.

На что она способна?

На все, дорогие мои. На все и немножко больше.

А чего от нее хотели добиться?

Если барон не полный идиот – этого Лиля уже никогда не узнает. Он просто отстанет. Или...?

Вот именно – или. Если у вас какие-то планы на человека, вы просто так от них не откажетесь, это уж точно. Тогда – как?

Могут их подкараулить, или похитить Миранду, или... да что угодно?

Глядя на барона Фремонта, Лиля и не сомневалась. Но делать-то с ним что? Спустить на него Джерисона?

Нет, не вариант, муж ей самой нужен, а барон произво-

дит впечатления грязной твари, которая не брезгует столь же грязными приемчиками. Не пойдет.

И что она еще может сделать?

Только вывести завтра барона из себя. Вести себя, как сволочь, но не подставлять Джеса под удар. Разозленный противник – уже половина врага.

А еще попросить служанок. Пусть попробуют собрать сведения. Сколько им еще оставаться в Дорсане? Два дня? Том что-то говорил о профилактике, коней к кузнецу загнали, кареты, опять же...

Это понятно.

Два дня. Один уже прошел, остался еще один – и в путь.

Если барон что-то предпримет, то именно завтра.

Лиля вздохнула. Эх, опять риск, опять проблемы – вы мне не скажете, как другим женщинам удастся ни во что не вляпаться?

Не скажете?

Ну и храните свои секреты дальше, вот. А она спать будет. Завтра предстоит тяжелый день, так что баиньки.

Лиля уткнулась носом в плечо Джерисона, поправила ногой Нанука, который неудобно положил лапу, и уснула. И снились ей только хорошие сны. Уютные и теплые.

Вирма, земли клана Хардринг.

– Мамочка, уже скоро-скоро. Время пришло!

Труди смотрела на свою дочку, и едва сдерживала слезы.

Чему радуется малышка?

Новой кукле? Платью? Замужеству?

Ах, если бы! Она радуется тому, что скоро ей предстоит воинское посвящение. Что она станет не госпожой, а господином Эллейга, хозяйкой своей судьбы.

Кирией.

А ей, Труди – что останется ей?

Ждать свою малышку.

Ждать, как некогда мужа, молить всех богов, надеяться, что попадется Тире достойный мужчина... или уже попался? Все же дочку Труди знала достаточно, чтобы уловить признаки влюбленности. И сияющие глаза, и легкость движений, и... да мало ли признаков, доступных взгляду любящей матери?

– Совсем ты у меня выросла, дочка. Что ж, воин – так воин. А замуж потом не захочешь?

Тири медленно покачала головой. И взгляд у нее был нехорошим. Тоскливым таким, безнадежным... для понимающего человека такой взгляд, что расписка.

Не тот к сердечку припал, ой, не тот.

– Детка?

Тири еще раз покачала головой.

– Не надо, мам... просто – не надо.

– Он женат?

– Нет.

Труди прикусила губу. Дурой она не была, а потому и до-

гадалась легко.

– Ативернец? Кто-то из них, да?

Тира вздохнула. А потом опустилась рядом с матерью на колени, ткнулась лицом в старое платье со следами штопки, позволяя родной теплой руке гулять по серебристым косам.

– Да, мам. Он из Ативерны.

И слезы хлынули потоком. Труды скрипнула зубами – убила б негодяя, который решил, что дочка для него нехороша, просто убила бы, и принялась уговаривать, словами выводя боль.

– Ну и пусть его... тебе замуж за него надо? А то ведь можно и просто ребеночка родить, воспитаем...

Тира задумалась. Явно, потому что тяжело дышать перестала, и плакать, кажется, тоже.

– Думаешь, мам?

– Уверена. Ты только роди, а уж остальное – мое дело.

– Он не согласится. Никогда...

– Главное, чтобы Флейна благословила, а остальное – ерунда, – Труды и не сомневалась. – Ты у меня девочка красивая....

– Да не в красоте дело. Он мне жизнь испортить не хочет. И себе тоже!

– А что плохого в любви?

– У него такое уже было в семье, мам. И большим горем обернулось. Потому и не рискнет никогда...

– Вот оно что...

Неведомый ативернец оборачивался другой стороной. Да, любовь – это замечательное чувство, но как часто оно несет боль и горе? Сколько потом подушек изгрызено, сколько глаз от слез ослепло? И если он это понимает, значит неплохой человек-то. А тогда – тем более.

– Тира, доченька, тогда у тебя только один выход.

– Какой, мам?

– Ты его любишь?

– Да.

– Тогда будьте вместе. Вот сколько вам отмерено, столько и будьте. Считай, что я вас благословляю. А если дите случится – вырастим. Только в радость будет...

Тира прерывисто вздохнула.

– Мам, а если он не согласится?

– Тира, детка, а ты сходи, в зеркало поглядишь.

Аргумент был увесистым. Но не до конца.

– Это нечестно.

Труди ответила дочери легкой улыбкой.

– Детка, в любви часто нет места честности.

И спорить с ней было сложно.

До посвящения Тира решила не говорить с Ричардом. К чему?

Во-первых, страшновато.

Во-вторых, тоже страшновато. И времени слишком мало.

И неизвестно, какие бывают последствия от плотской любви. То есть известно, но – вдруг? У всех ведь это по-разному происходит, а тело – такое же оружие воина, как его клинок. И оно должно быть сильным, гибким, послушным... вдруг что-то поменяется?

Тира не хотела рисковать.

И вот – наступило то самое утро.

Всего их было тринадцать новиков, ребят, которые мечтали о воинских клинках. Двенадцать парней – и она, одна девушка среди них. Из разных кланов, из разных уголков Вирмы...

За завтраком Олав называл их, одного за другим, и юноши вставали, и замирали.

Встала и Тира.

Вопросы были для всех одинаковые, самые обыкновенные.

Уверены?

Дороги назад ни для кого не будет, на вас смотрят боги!

Никто не отказался. И двенадцать парней и одну девушку препроводили в отдельный дом. Им не стоит общаться с другими людьми, разделять с ними хлеб и воду, принимать от них что-либо...

Кому охота привлекать к себе внимание богов? Здесь и сейчас они еще не высказали свою волю. Вот, скажут, тогда и видно будет. Кого в воины, кого землю пахать.

К чести ребят, лишнего они себе не позволяли. Понима-

ли, что можно и крепко нарваться, все же Олайв – бог серьезный, и не поймет подлого отношения к женщине. А подшучивания, подколки по поводу баб, которым только дай волю... Тира и худшего ожидала.

Смех, язвительные слова – безусловно, это будет. А вот насилия бояться не стоит. Есть вещи, которых боги решительно не одобряют. Одно дело, когда после боя, в горячке...

Не сказать, что Флейна за такое благословляет, но и проклипать не будет. А если сейчас попробуют обидеть Тиру, возможно худшее. Вплоть до болезней, бесплодия, или вообще – смерти в первом же бою. А к чему кроликам – мечи? Им для жизни другое потребно, уж никак не воинское дело...

Шуточки были, но к ним Тира привыкла. Подождем до первого испытания, тогда и посмотрим, кто будет смеяться последним.

Уэльстер, Дорсан.

Барон Фремонт явился с раннего утра. В парадном камзоле, при оружии и с громадным букетом цветов, половину из которых Лиля забыла еще во времена оны. Когда в школе прошли ботанику.

– Ваше сиятельство, граф Иртон.

Джес поклонился в ответ.

– Позволено ли мне будет принести свои извинения...

– Барон, – Джес смотрел холодно. – Ради нашей прошлой дружбы я забуду о вчерашней ситуации. Но видеть вас более

никогда не желаю.

Эдвин вздохнул.

– Граф, мне очень жаль. Я всего лишь хотел...

– Познакомить мою жену со своим близким другом, – припечатал Джерисон, давая понять, что все знает и верит Лилян.

Эдвин сощурился, становясь похожим на больную крысу. Почему Джерисон раньше не замечал этого сходства?

– И что в этом удивительного? С прошлого вашего визита я понял, что у вас с супругой не лучшие отношения...

– Это было давно и неправда, достопочтенный Фремонт, – мурлыкнула Лиля, подходя к супругу.

Ляля и Нанук, которые сопровождали ее сегодня, косились на барона вполне себе плотоядно. А что? Попробовали человеческой кровушки? Теперь это стррррашные собаки – людоеды. Ляля – точно.

Барон склонился перед графиней в низком поклоне по всем правилам этикета.

– Ваше сиятельство, я понимаю, что вчера...

– Произошло досадное недоразумение. И прошло, – отмахнулась Лиля.

– Позволен ли мне будет преподнести вам эти скромные цветы в знак моего глубочайшего сожаления о происшедшем?

Лиля положила руку на плечо мужа.

– Джерисон?

Граф тряхнул головой.

Накал сцены сбился, вызывать мерзавца на дуэль уже не хотелось, ну и...

– Эдвин, иди отсюда.

– А? – опешил барон.

– Идите, достопочтенный, к другу, – Лилиан безмятежно улыбалась. – Желаю вам провести с ним в компании еще не один год. И чтобы вас никто не разлучил.

Эдвин поперхнулся.

Да, армейские шуточки, они такие, своеобразные.

– Ваше сиятельство...

Но никто уже не обращал на него внимания. И ведь даже на дуэль не вызовешь.

Лиля повернулась к Джерисону.

– Сегодня к завтраку у нас мороженое. Я вчера смешала.

– Великолепно! А где Мири?

– Сейчас спустится. А остальные еще спят.

Барон зло поглядел на семейство Иртон.

Семейство и не заметило, а вот собаки ответили ему дружелюбными такими взглядами... С одной вирманской шавкой он бы справился. Но с двумя? Они вдвоем кабана завалить могут.

Пока еще его люди добегут... он-то не кабан, у него до горла добраться проще.

– Ну и прекрасно, нам больше достанется.

– Джерисон, вы же не уплетете весь чугунок в один...

герб?

– Миранда мне поможет!

Барон плюнул, бросил цветы, да и пошел со двора. Какие уж тут предприятия... не разлучили бы и правда с... другом.

Уэльстер, Кардин.

Ее высочество принцесса Мария мирно шла по коридору. Вообще, у принцессы должна быть свита, слуги, но иногда и она может оказаться в одиночестве. К примеру, есть место, куда все принцессы пешком ходят.

Она даже не испугалась, когда дорогу ей преградил высокий моложавый мужчина.

– Ваше высочество...

Глаза принцессы остановились на печатке с рубином. Определенно герцог, а вот имени она не помнит. Неудивительно – столько лиц, столько людей, и ведь половину даже запоминать нужды нет – пена. Та самая, которая болтается везде и всюду, но роли не играет и значения не имеет. При нужде – смахнуть с кастрюли в помойное ведро.

– Ваша светлость?

– Герцог Робер Альсин, к вашим услугам, ваше высочество.

– К моему сожалению, ваша светлость, я не помню, были мы с вами представлены – или нет?

– Нет, ваше высочество. О чем я искренне сожалею.

– Вы недавно приехали ко двору?

– Я домосед, ваше высочество. Но когда происходят такие события, нельзя оставаться в стороне. Вдруг внуки потребуют у меня рассказать о свадьбе прекрасной принцессы и могущественного короля, а я и сказать ничего не смогу.

Мария покраснела от комплимента, но не удержалась.

– Ваша светлость, меня сватают не за короля, а за принца.

– Ваше высочество, оставьте ложную скромность. Если будет на то воля Альдоная, не пройдет и пары лет, как на вашей очаровательной головке окажется корона.

– На все воля Альдоная, – отозвалась принцесса.

– А я буду молиться за здоровье прекрасной королевы, и кто знает, вдруг я не окажусь отверженным при вашем дворе, если решу приехать в Ативерну?

– Я всегда буду вам рада, ваша светлость.

– А еще я буду молиться, чтобы Альдонай был к вам милостив, и вы не рожали только девочек, как ваша несчастная мать.

Мария поежилась.

На миг ей стало неудобно, такое ощущение гадкое, словно кто-то тебе снежок за шиворот бросил, и он ползет там вдоль позвоночника... бррррр...

– Вы знали мою мать?

– Ее величество Альбита была прекрасной женщиной. Умной, доброй и очаровательной. Вы совсем ее не помните, ваше высочество?

Мария задумалась, а потом покачала головой.

– Не знаю... наверное, нет. Что-то такое есть в памяти, кажется, у нее были темные волосы, и запах фиалок. Она ведь мной не занималась...

Это верно.

Альбита не кормила ребенка сама – нельзя. И грудь форму теряет, и пока кормишь ребенка, нельзя спать с мужем, пастеры не одобряют. Грех. А ей важно было побыстрее подарить Гардвейгу наследника. Так что...

Ребенка спихнуть кормилицам и нянькам, а самой время от времени заходить в детскую, и хватит. Посюсюкала – и на бал, чтобы муж никем не увлекся. Мало ли?

Но сейчас говорить такое было нельзя, и Робер покачал головой.

– Ваше высочество, так принято в высшем свете. Детьми занимаются няньки, а королевы должны блистать.

Мария остановилась и прищурилась.

– Я вижу свою мачеху, ее величество Милию. И никто не упрекнет ее в нерадивости. Пусть ее детьми занимается нянька, ее величество всегда находит время и поиграть с малышами, и повозиться с ними. Моя мать, да примет Альдоннай ее душу, считала иначе – пусть. Но я знаю, на кого предпочту походить.

– Молодость категорична, ваше высочество.

– С годами молодость проходит, ваша светлость.

Мария держалась жестко и твердо.

Когда ты живешь с сестрами в полуразрушенном замке,

когда вы спите вместе, потому что так теплее, когда перешиваете старые платья...

Либо ты сломаешься и вырастешь тряпкой. Либо ты станешь сильной. Просто не стоит всем показывать свой характер, но он у принцессы безусловно, был.

Анелия выбрала для себя – и готова была на все, чтобы удрать. Бедняга Лонс Авельс наивно думал, что он соблазнил ученицу... тут еще вопрос, кто кого соблазнил.

На такое Мария не пошла бы никогда, лучше уж в монастырь. Но что надо этому герцогу?

Видимо, мысли достаточно четко отразились на милом личике, потому что герцог развел руками.

– Мне жаль, ваше высочество. Ваша мать не заслуживает того, чтобы ее забыли.

– Если волей Альдоная у меня будут дочери – я назову старшую Альбитой и буду молиться, чтобы она не повторила судьбу бабушки.

– Вы очень на нее похожи, принцесса Мария. Очень.

За этими разговорами они прошли уже половину коридора, и дошли до покоев принцессы. Мария чуть склонила на прощание головку и скрылась за дверью, а мужчина задумался.

Стерва малолетняя.

Такая же, как мать, только поумнее. Даже не так – лучше приучена выживать. Но это и неудивительно, с ее-то воспитанием. Это хорошо...

Напрямую она против отца и мачехи не пойдет, но если все сложится удачно – прогнется под победителя. И петь будет о своей любви к родной мамочке, кто б сомневался. Это неплохо.

Есть и плохие новости.

Утром пришло письмо из Дорсана, от Эдвина Фремонта. Прилетело на крыльях голубя.

Эдвин был одним из тех, кто должен был вести отряды наемников к столице. Бедный и не особо знатный, а еще по уши замаранный в кое-каких незаконных делишках, он был предан герцогу душой и телом. Ему герцог и поручил, зная, что кортеж посольства пройдет через Дорсан, найти какое-либо слабое звено.

Источник сведений о посольстве.

А еще, приехать в Кардин вместе с ативернским посольством. Сейчас не обратят внимания, зато потом это отлично сработает. Уж поверьте!

Именно что приехать.

Кто виноват в смерти короля?

Понятное дело, ативернцы. Они приехали с наемниками, они короля зарезали, они беспорядки начали, и вообще – бей гадов!

А если удастся подлезть к кому-то из посольства, чтобы прийти с ними во дворец, в их свите, это будет вообще великолепно.

У Эдвина ничего не получилось. Почему – непонятно, но

это можно и потом расспросить. И наказывать заодно, голубиной-то почтой много не напишешь, а доверять такое обычной переписке по меньшей мере неразумно. Безумно.

Кто на плаху первый? Никого? Тогда я пошел, ага...

Эх, тяжела жизнь гения среди идиотов. Все-то приходится делать самому, все своим трудом и горбом, и никто не оценит.

Мария смотрела на дверь.

Почему-то ей было не по себе. Гадливость какая-то, что ли? Или нет...

Однажды они перевернули камень и увидели, что под ним полно мокриц, а потом прибежала няня. И сказала, что они ядовитые.

Вот так Мария отнеслась и к этому человеку.

Он гадкий, опасный... может, забыть о нем? Или стоит сначала узнать, кто он такой?

И принцесса под села к одной из королевских фрейлин. Самой доброй и болтливой.

Каков поп – таков и приход, а перефразируя поговорку, каков король, таков и двор. При дворе короля Гардвейга многое зависело от королевы. При первой жене его двор был набожным, при второй – развратным, при третьей – все рожали, при четвертой – веселились...

При Милии в моду начали входить семейные ценности.

При дворе стало привычно и прилично появляться с женами, а не с любовницами, стало модно рассказывать о детях, а не о загулах, и фрейлины стали намного приличнее. Не стайка юных дев, с большими вырезами, а стайка их заботливых матушек с острыми глазами. А девушек вывозили на балы и приемы, благодаря за это королеву.

А то как же?

Что могут соображать соплюшки в пятнадцать лет? Конечно, они станут легкой добычей для любого мужчины с красивыми речами. А то еще и в подоле принесут, не приведи Альдонай. То ли дело их матушки? Всех осмотрят, всех разъяснят, и ни за что не подпустят к родному чадушку недостойного кандидата в мужа.

Есть и обратная сторона медали. Вот именно, что всех разъяснят. И поверьте, от строгих взглядов не скроется ни одна деталь, ни один взгляд, ни один шорох... хоть ты упраздний службу Альтреса Лорта – столько сплетен, сколько ежедневно приносят эти дамы, граф и за месяц не читал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.